

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть IV

БРАТЯ ХРУЩОВЫ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович

В22

Масонский заговор : часть четвертая. Братья Хрущовы. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 120 с. (Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).

ISBN 978-5-4386-1374-9

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Конечно, круг русских революционеров поначалу, вспоминая классиков марксизма-ленинизма, был очень узок, и они — эти первые революционеры — были не только страшно далеки от народа, но и всегда были чужды этому народу, так как сам народ русский ни в коей мере не интересовал этих дворцовых заговорщиков, авантюристов и политических интриганов.

Но все-таки народонаселения России, в том числе и в высшей аристократической среде, вроде как хватало, чтобы можно было разнообразить свои брачные отношения.

Но, увы... Мы подходим уже к четвертой части нашего рассказа, а фамильные гнезда, откуда появлялись на свет Божий новые дворцовые заговорщики, по-прежнему оставались теми же...

Вот, например, Анна Иоанновна казнит, по общественной оценке того времени, первых русских «патриотов».

Кто же эти национальные герои? Самый первый из них — такой же, как и абсолютное большинство царедворцев, вор и мздоимец Артемий Волинский?

Под пыткой все его единомышленники подтвердили то, что потом стало тайной патриотов: Волинский (женатый на Александре Львовне Нарышкиной, племяннице царицы Натальи Кирилловны) сам хотел воссесть на российский трон, считая, что у него, потомка Петра Волинца, который некогда стравил Ивана Грозного с Великим Новгородом, гораздо больше прав на этот престол, чем у лифляндских и курляндских потаскушек.

Артемий Вольтский

«Артеми́й Петро́вич Во́лынский всегда помнил о своем знатном происхождении — кажется, даже больше, чем полагалось в то время, когда, несмотря на Петровские реформы и Табель о рангах, настоящие “фамильные” люди знали и чтили заслуги предков. По указанию кабинет-министра его “конфидент”, архитектор Петр Еропкин нарисовал чертеж родословного древа с изображением внизу князя Дмитрия Волынского и сестры Дмитрия Донского, великой княжны Анны, с императорским гербом и гербом Воынских “для того, что он по московской великой княжне Анне причитался свойством к высочайшей ее императорского величества фамилии...”. По показанию другого “конфидента”, Андрея Хрущова, “оную картину хотел он Воынский в чужих краях напечатать и разослать в России и в другие государства, дабы знали в народе, что он близок свойством к императорской фамилии и что у него ума столько есть, чтоб самому государством править”» (Курукин Игорь. Артеми́й Во́лынский. Серия «ЖЗЛ». М., 2011).

Долгоруков П. В.: «... в пятницу, 20 июня, кровавое судилище собралось на свое одно-единственное заседание. Обязанности секретаря исполнялись родственником одного из обвиняемых, Хрущевым, ассессором страшной Тайной канцелярии. Генерал-прокурор, князь Никита Трубецкой, предложил приговорить де Ла Сюда к обезглавливанию; Эйхлера к колесованию; Мусина-Пушкина, Соимонова, Еропкина и Хрущева — к четвертованию; Воынского — посадить живым на кол, с предварительным урезанием языка...

Трибунал единодушно высказался за этот приговор... В его составе были родственники (например, сенатор генерал-лейтенант Михаил Хрущев — С. В.), друзья обвиняемых (тот же генерал-прокурор Трубецкой), было два зятя Воынского (Александр Нарышкин и Алексей Черкасский — С. В.)».

Кабинет-министр Артемий Волинский

Артемий Петрович Волинский казнен вместе с Андреем Федоровичем Хрущевым. Мы уже привыкли к весьма резким оценкам князя Петра Долгорукова, но на этот раз его высказывания очень деликатны: *«Андрей Федорович Хрущев, выходец из уважаемой семьи, известной с XVI века, получил блестящее образование; подобно Еропкину, свое образование он завершил за границей, и также, как и он, Хрущев обладал прекрасной библиотекой. У него было неплохое состояние, а его жена, Анна Александровна Колтовская, принесла ему изрядное приданое. Он и Еропкин сблизились с Волинским и примкнули к вынашивавшимся планам в надежде на достижение своих честолюбивых целей; видя, что влияние Волинского быстро возрастает, они полагали, что при поддержке и протекции с его стороны быстро сделают карьеру в чинах и должностях».*

Ни о каких патриотических чувствах, как видите, даже князь Долгоруков речь уже не ведет, напротив, он добавляет к сказанному: «...**сегодня его (Волынского и его конфидентов — С. В.) борьба против Бирена оценивается так, как того и заслуживает: это была борьба двух лукавых и жестоких честолюбцев, в которой один погубил другого**».

Но пример оказался заразительным: гораздо удобнее, оказывается, было теперь чинить вред Отечеству, надев личину патриота.

Памятник А. Волынскому, А. Хрущову и П. Еропкину

*Сыны отечества! В слезах
Ко храму древнего Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! Приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит,
И благородная душа
Пусть личность всякую отбросит!
Пусть будет чести образцом;
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью.*

Эти строки в память о патриоте Волынском написал потомок опричника, масон и декабрист Кондратий Рылеев.

Дочь Волынского — Мария Артемьевна — в связи со смертью императрицы Анны Иоанновны счастливо избежала заточения в монастырь и вышла замуж за Ивана Илларионовича... Воронцова — третьего брата легендарной безродной шайки, члены которой в одночасье стали графами Священной Римской империи благодаря своему родству с графом Александром Сергеевичем Строгановым, самым богатым человеком в России. Их сын Артемий (в память о Волынском) Иванович Воронцов женится на Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной, из рода которых происходит камчатский ссыльный Квашнин-Ивашкин.

*Граф Артемий Иванович Воронцов
и Воронцова Прасковья Федоровна (1750–1797) —
дочь Фёдора Алексеевича Квашинина-Самарина и Александры
Юрьевны, жена Артемия Ивановича Воронцова
Мать её, Александра Юрьевна, — урожденная Ржевская
(родная сестра С. Ю. Ржевской, в замужестве Пушкиной,
прабабки А. С. Пушкина).*

А сестра старших Воронцовых — Дарья Илларионовна — была женой Петра Михайловича Хрущева, приходящегося однородцем казненному Андрею Федоровичу.

Но это еще не все.

У Олега Платонова находим сообщение о новом дворцовом заговоре:

«С масонскими заговорщиками Екатерина II сталкивается в первый же год своего царствования. Представители древнего дворянского рода, братья Гурьевы, Семен, Иван и Петр уличаются в заговоре в пользу Иоанна Антоновича, содержащегося в Шлиссельбургской крепости.

На следствии выяснились определенная их связь с масонами Н. И. Паниным и И. И. Шуваловым, а также непонятная осведомленность об Иоанне Антоновиче и месте его пребывания (что держалось в строжайшей тайне). Заговорщики признавались: “Мы стоим за то, для чего царевич не коронован, а теперь сомнения у Панина с Шуваловым, кому правителем быть” [Русский Биографический Словарь. Павел — Петр. СПб., 1902. Т. 13. С. 194.] Преступники были сосланы на Камчатку и в Якутск.

На самом деле государственных преступников было больше: по крайней вместе с Семеном Селиверстовичем Гурьевым на Камчатку по одному с ним делу был сослан Петр Федорович Хрущев. А само «дело» было о «братьях Хрущевых и братьях Гурьевых».

24 сентября 1762 года в своем «Объявлении» новоиспеченная императрица следующими словами и выражениями определила степень вины каждого из них:

«Божиею милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая всем верно нам подданным объявляем.

Каждый ведает разумный и благонамеренный сын отечества, что власть нам ним предрежающая для его же добра установлена от Бога, которой он повиноваться должен для своего и ближнего своего благоденствия, почему и оскорбители оные яко противляющиеся Богу и яко нарушители общего покоя суть такие преступники, которых слово Божие и закон гражданский осуждает быть не токмо извергами своего отечества, но и в роде человеческого нетерпимыми, мы можем не похвалившись пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией приняли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве. К сему достохвальному намерению мы приступили не словом, но истинным

делом и о добре общем ежедневно печемся, едино полагая то в намерении, чтоб радостию, удовольствием и порядком наших подданных принимая себе оныя воздаянием видеть внутреннюю тишину и благосостояние нашей империи, таковым средством мы желаем прославить Бога и таковым путем мы ищем достигнуть вечного себе от него воздаяния, но при сих наших чистосердечных намерениях и чувствительно нашему сожалению нашилися в самом нашем здешнем столичном городе такие беспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство, и будто бы не токмо прилежные изобретатели своего злоключения, но и живота своего отчаянные злодеи, презрев страх Божий и не помышляя о потереянии временного и вечного своего живота, покусилися и дерзнули делать умысел к испровержению Божия о нас промысла и к оскорблению нашего величества, и тем безумно вознамерилися похитить Богом врученного нам народа (на) общее благоденство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением.

Мы как скоро сведали о том их Богомерзком предприятии и, взяв в уважение, чтоб безвременно не опечалить сердца наших верных подданных, повелели нашей гвардии трем штаб-офицерам, а именно гетману графу Разумовскому и генералам порутчикам Суворову и Волконскому сие дело секретно изследовать.

...хотя по всем государственным законам за то богомерзкое и злодейственное дело надлежит Петра Хрущова и Семена Гурьева яко главных зачинщиков четвертовать и потом отсечь голову, а Ивану и Петру Гурьевым отсечь головы же, но в разсуждении нашего правила о наблюдении монаршего милосердия сенат обще с собранными президентами согласно присуждает, а именно помянутых преступников, лиша всех чинов и исключая из дворянского достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву вместо мучительной смерти отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым

политическую смерть, то есть положить на плаху, а потом, не чиня экзекуции, послать вечно в каторжную работу, а движимое и недвижимое их имение оставить детям и их наследникам. Алексея Хрущова, лиша всех чинов, сослать в Сибирь на вечное житье. По сим не оставалось бы нам более как подтвердить сената нашего сентенцию, но чувствительное наше сердце не может и тут допустить действия гнева и жестокости, а убеждает преступников оставить раскаянию в жизни сей и предать их суду Божию, чего ради повелеваем меч, данный нам от Бога и по слову его не без ума носимый, удержать от отнятия живота осужденных, а вместо казни смертной Петра Хрущова и Семена Гурьева, лиша чинов, исключая из их фамилии и из чина благородных людей, обоих Петра и Семена, бывших Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житие, и имени их отдать ближним в родстве. Ивана и Петра Гурьевых, отняв чины, послать их в Якутск навечно. Алексея Хрущова, лишив его всех чинов, жить в своих деревнях, не выезжая в наши столицы».

Какова же была вина?

В своем доношении на имя Екатерины следователи писали следующее: «Первый лейб-гвардии Измайловского полка порутчик Петр Хрущов доказан и винился в изблевании того оскорбления и что он старался других привлечь к намеряемому им возмущению против Вашего императорского величества и общего покоя затевая якобы уже и многих имея в своем согласии.

Второй Ингерманландского пехотного полку порутчик Семен Гурьев яко сообщник с первым не токмо в злодейском умысле соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом первом допросе, а по обличении от солдатам и во всем сам признался.

Третий лейб-гвардии Измайловского полку капитан-поручик Иван Гурьев сделал себя с ним соучастником тем, что зная их умысел, об оном нигде не донес. <...>

Четвертый лейб-гвардии Измайловского полку квартирмейстер Петр Гурьев слышал от Петра Хрущова против Вашего императорского величества оскорбительные слова, так и о злом умысле и возмущении о том не донес и сначала запирался...

Пятый коллежский асессор Алексей Хрущов изобличаем одним доносителем, якобы и он ему сказывал о общем вышепомянутом злом намерении, но как свидетелей тому нет, а он, Хрущов, запирается, то остается одно к нему подозрение в том, что он, слыша от Петра Хрущова некоторые ... слова, не доносил...».

Не одно поколение отечественных генеалогов пыталось расшифровать код аристократического происхождения камчатского ссыльного Петра Федоровича Хрущева, но их попытки, как правило, оканчивались неудачей.

Во втором томе «Родословного сборника русских дворянских фамилий» (СПб., 1887 г.) В. В. Руммеля и В. В. Голубцова так и записано с грубейшими историческими ошибками: **«В роспись не вошли.**

...12. Петр Х., поручик л-гв. Измайловского полка, за заговор в пользу императора Иоанна Антоновича публично ошельмован и сослан навечно в Камчатку (24 октября 1762). В Камчатке он сошелся с Гурьевыми и с Беньевским, тоже сосланным, и, перевязав местное начальство и захватив торговое судно, бежали во Францию, где Хрущов был принят в гвардию капитаном».

Возможный ключ к разгадке этой генеалогической тайны нашли авторы Интернет-проекта «Дворяне — Вики»¹.

¹ http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Хрущов_Алексей_Иванович_2-й.

При сборе материалов по проекту они столкнулись с биографией Алексея Ивановича Хрущова-2-го и выяснили следующее: *«Участвовал в заговоре лейб-гвардии против Екатерины для возведения на престол Иоанна VI, возглавляемый Петром Хрущовым и братьями Гурьевыми. Петр Хрущов признался на следствии, что им руководил гнев — он участвовал в возведении Екатерины на престол, но не получил никаких наградений. Заговор был раскрыт 3 октября 1762 г., были арестованы 15 человек, в результате следствия было признано, что реальный заговор не пошел дальше пьяных разговоров 29 сентября, в последний день празднований вступления Екатерины на престол. Петр Хрущов и Семен Гурьев были приговорены Сенатом к казни через отрубление головы, Иван и Петр Гурьевы к “политической казни” с высылкой в Сибирь и каторжным работам, Алексей Хрущов к ссылке в Сибирь. Манифестом от 24 октября 1762 г. наказание было смягчено — Петр Хрущов и Семен Гурьев подлежали публичному “шельмованию” (т. е. лишению чести), лишению всех чинов, дворянского звания и фамилии, вечной ссылке на Камчатку в Большерецкий острог, с передачей имения их ближайшим родственникам; Ивана и Петра Гурьевых, лишив чинов, было приказано послать навечно в Якутск, Алексея Хрущова, лишив всех чинов, сослать на житье в его имения, без права въезда в обе столицы».*

Авторы проекта, исходя из того, что в «Деле о заговоре» были обозначены братья Хрущовы и братья Гурьевы, вынесли предположение: «брат (двоюродный?) Хрущов Петр Федорович, зачинщик заговора 1762 г. ... не вошел в роспись Руммеля, указан в отдельном списке не вошедших в роспись, отчество не указано: “В Камчатке сошелся с Гурьевыми и Беневским, тоже сосланным, и, перевязав местное начальство и захватив торговое судно, бежали во Францию, где Хрущов был принят в гвардию капитаном”».

Они приводят некий текст (без ссылки на первоисточник), в котором дается попытка определения происхождения самого Алексея Ивановича: «Помещиком в Крапивенском (Соловском) селе Ломинцево во время 3-й Ревизии был коллежский асессор Алексей Иванович Хрущов. Он, предположительно, является сыном Ивана Кирилловича Хрущова, который был помещиком в моём Ломинцево в 20–40-х гг. XVIII в. Родство не могу точно установить, так как нет у меня материалов по Ломинцеву по 2-й и 3-й Ревизиям. У Руммеля и Чернопятова эта ветвь Хрущовых оборвана. Но Иван Кириллович есть в “Сборниках биографий кавалергардов”. Он сын генеральс-адъютанта графа Шереметева, стольника Кириллы Григорьевича Хрущова, внук Григория Клементьевича и правнук Клементия Борисовича Хрущовых. Будучи кавалергардским капитаном, Иван Кириллович Хрущов во времена Анны Иоанновны служил воеводой Енисейска. Его семья мне неизвестна. Но в 50-х гг. помещиком в Ломинцево значится уже Алексей Иванович Хрущов. Возможно, его матерью является построившая в 1752 г. в с. Ломинцево каменный Георгиевский храм, бывшая тогда помещицей некая Анна Васильевна Хрущова; недаром в новопостроенной церкви она учредила придел во имя Св. Алексия. Была ли Анна Васильевна женой Ивана Кирилловича, мне тоже неизвестно. А во входящей в Ломинцевский Георгиевский приход ближней деревне Понарьино помещиком в это время был прапорщик Иван Васильевич Хрущов, который есть у Руммеля и Чернопятова, и от которого пошло потомство. Его ветвь очень близка с нашей вымершей ломинцевской ветвью Хрущовых и разделились они в XVII в.»

Эта версия — хорошая зацепочка, которая позволяет вести дальнейшее «расследование».

«Коллежский асессор Алексей Иванович Хрущов в 1762 г. совместно с Гурьевыми, Сухотинными, Вепрейским и Даниловым участвовал в антиекатерининском заговоре. Он был

лишён чинов и приговорён жить в своих деревнях без права выезда в столицы. В 1763 г. по закладной его вотчина в селе Ломинцево отошла к надворному советнику Александру Матвеевичу Воейкову, а Алексей Иванович, таким образом, очутился без средств к существованию, так как ещё ранее лишился своих имений в Тульском и Данковском уездах. 15 января 1764 г. вышел указ императрицы графу Салтыкову с повелением о высылке Алексея Ивановича Хрущова из Крапивны в Тобольск, где губернатору надлежало употребить его к письменным делам. В Сибири А. И. Хрущов и умер. Мне неизвестно о наличии у него семьи».

«...о ломинцевском Алексее Ивановиче Хрущове. В 4-ю Ревизию 1782 г. сказку по селу Кузнецову Ламиносова тож подавал поручик Фёдор Александрович Воейков» (*ГАУГАТО, ф. 352, оп. 1, д. 6, лл. 267–294*). В шапке говорится следующее: «Крапивенского уезду Засоловского стану в селе Кузнецове Ламиносова тож доставшихся (крестьян и дворовых людей) в 1763 году покойному господина моему отцу надворному советнику Александру Матвеевичу Воейкову по закладной от коллежского асесора Алексея Иванова сына Хрущова и в последнею пред сим ревизию написаны были в том селе за оным Хрущовым, а господину моему после оногo отца ево достались по наследству».

«Все сосланные в Сибирь покинули ее, а Алексей Хрущов, сосланный в деревню, умер в Сибири. Деревня Хрущова, в Крапивенском уезде, скоро была “заложена и просрочена, почему и пропитания получать ему уже не от куда”, вследствие чего, указом от 15 января 1764 г., гр. Салтыкову повелено было выслать Хрущова из Крапивны в Тобольск, где губернатору предписывалось употребить его “при письменных делах” (*Гос. Архив, VI, 396, л. 64*). Из сосланных в Камчатку Петр Хрущов бежал в 1772 году вместе с Бениовским <...> и вступил позже во французскую службу; Семен же Гурьев, своим поведением в деле Бениовского показал, что

“бывшее в нем напредь сего буйство и распутство его оставили”, и указом от 19 января 1772 г. иркутскому губернатору Брилю предписано выслать его из Сибири обратно в деревни его братьев; сосланные в Якутск Иван и Петр Гурьевы тем же указом “из единого нашего человеколюбия к страждущему человечеству” возвращены из Сибири в их деревни, без права въезжать в столицы... Екатерина щедро наградила лиц, так или иначе содействовавших раскрытию “богомерзкого предприятия” Хрущовых и Гурьевых (далее — в сноске:) Капитану Измайловского полка Гриневу — 3000 р., капитану-поручику того же полка Михаилу Шипову — 1000 червонных “да табакерку по моему выбору”, Побединскому — 2000 р., *Ивану Хрущову — 2000 р.* (выделено мной — С. В.), сержанту Преображенского полка Толстому — 600 червонных и Чихачеву — 1000 р.» (Сборник, VII, 178).

Имения:

Тульская губ., Крапивенский у.:

с. Кузнецово, Ламиносво тож (Ламиносво, Ломиносово, Ломинцево), Крапивенский у., Тульская губ., село — вотчина;

Тульская губ., Тульский у.:

с. Занино, Тульский у., Тульская губ., село — вотчина;

Рязанская губ., Данковский у.:

д. Малая Хрущовка, Данковский у., Рязанская губ., дер. — вотчина,

с. Хрущово (Хрущев-Подлесное), Данковский у., Рязанская губ., село — вотчина.

«Хрущёво-Подлесное — село Данковского района Липецкой области. Центр Хрущёвского сельского поселения. Стоит в истоке реки Перехваль. Возникло в конце XVI века. В документах 1627–1628 годов говорится: “Перехваль, а Хрущев тож, за Клементием да за Васильем Борисовыми детьми Хрущева, под Романцевским лесом, на речке Перехвали”.

Название — по служилым людям Хрущёвым и по местоположению около леса. Рядом, на реке Перехваль, есть также село Стрешнево-Подлесное».

Итак, владельцами села Хрущево-Подлесное были братья Клементий и Василий Борисовы, дети Хрущевы, потомком одного из которых был Иван Кириллович Хрущов, помещик села Ломинцева Крапивненского уезда Тульской губернии, что позволяет сделать вывод о том, что и Алексей Иванович Хрущов-2 имеет к этому роду самое непосредственное отношение.

Почему Хрущов-2-й?

Потому что авторы проекта «Дворяне-Вики» находят примерно в один и тот же исторический период ШЕСТЬ (!!!) Алексеев Ивановичей Хрущовых, являющихся друг другу родственниками:

Хрущов Алексей, стряпчий конюх (1767 г.), подписал наказ дворян Серпуховского, Тарусского, Оболенского уездов (отец — **Хрущов Иван Семенович**, ум. 2.II.1749, «полковник Нежинского полка (6 июня 1727–1740), бригадир (при отставке, 27 июля 1744), помещик Каширского и Веневского уездов. Ж. 1) княжна Софья Владимировна Волконская (1728), 2) Кассандра Андреевна.?-1776. **Оба сына от 1-го брака**».

Дед: **Хрущов Семен Афанасьевич**, «ум. после 1711 и до 1728 гг., стряпчий (1676), стольник (1678–1711), есаул в Крымском походе (1686), послан в Алексин для переписи недорослей (1676), пожаловано ему поместье Тульского уезда (1699). Жена: Анна Ивановна NN, ум. после 1728 г.»).

Хрущов Алексей Иванович 2-й, коллежский ассессор, участник заговора против Екатерины в 1762 г.

Хрущов Алексей Иванович 3-й, ум. 1805, полковник в 1780–1787 гг., бригадир (1788), комендант в Воронеже (1780–1788), генерал-майор (1790), генерал от инфантерии.

Хрущов Алексей Иванович 4-й, поручик, род. 1775 — ум. после 1810 г.

Хрущов Алексей 5-й, флота лейтенант, уволен от службы флота капитаном (17 апреля 1744 г.).

Хрущов Алексей Иванович 6-й, прапорщик (в 1767 г.).

А. И. Хрущов-2-й, безусловно, особый, — он «меченый», то есть человек, для которого ссылку в Сибири заменили деревенской, но впоследствии деревенскую ссылку вынуждены были снова поменять на сибирскую, чтобы... помочь Алексею Ивановичу, лишившемуся своих землевладений, выжить. Правда, это ему не помогло, хотя он в полном соответствии с сентенциями сенаторов был теперь уже точно определен «на вечное житье в Сибири».

Братья Клементий и Василий Борисовичи Хрущовы были людьми знатными. У Руммеля читаем: за Московское осадное сиденье 1610 года они оба были пожалованы вотчинами в Тульском уезде. Василий Борисович был бездетным сначала тульским городским, а с 1629 года — московским — дворянином. Клементий Борисович также сначала тульский городской, а потом московский дворянин, Крапивненский воевода.

У Клементия Борисовича было трое сыновей:

81. Кирилль Клементьевичъ, тульскій городской дворянинъ (1622); дворянинъ московскій (1622—1668); былъ на службѣ въ Смоленскѣ (1665), † бездѣт. 82. Григорій Клементьевичъ, стряпчій (1661—1668); воевода на Теркѣ (1671); пожаловано ему въ вотчину помѣстье Данковского уѣзда (1677); разбиралъ ратныхъ людей и отводилъ ихъ въ полкъ кн. Хованскаго (1679). 83. Феодоръ Григорьевичъ большою, стряпчій, былъ при встрѣчѣ персидскаго посла (5 февраля 1639); ѣздилъ за государемъ (1651); служилъ у стола государева въ день приѣма Грузинскаго царевича (6 іюля 1658); дворянинъ посольства на съѣздѣ съ польскими комиссарами въ Борисовѣ (1660); воевода въ Ельцѣ (1663); стольникъ (1665); былъ на службѣ въ Смоленскѣ (1665); воевода въ Мангазеѣ (1668—1669), Томскѣ (1668—1669), Верхотурьи (1669—1672 и 1673—1676) и Тобольскѣ (1672—1673); пожаловано ему въ вотчину помѣстье Данковского уѣзда (1677); разбиралъ ратныхъ людей на Коломнѣ (1678); въ Калугѣ, Медыни, Перемышлѣ и Воротыньскѣ (1679)	} 47.

Их дети:

114. Кирилл Григорьевич, стольникъ царицъ: Марѣи Матвѣевны (1676) и Прасковіи Ѳеодоровны (1686); государевъ стольникъ (1686—1697); завоеводитель въ крымскомъ походѣ (1687) 82.
115. Леонтій Ѳеодоровичъ, воевода въ Верхотурьи (1673); стольникъ (1677—1703); ротмистръ 20-й роты стольниковъ въ крымскомъ походѣ (1686); ландратъ Казанской губерніи (1714) 83.

Внуки:

147. Алексѣй Кирилловичъ, учился въ школъ словено-латинской науки; 10 іюня 1712 г. назначенъ государемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. 114.
148. Пикита Леонтьевичъ. }
149. Алексѣй Леонтьевичъ, учился въ школъ словено-латинской науки и 10 іюня 1712 назначенъ государемъ къ отправленію въ Голландію въ ученіе } 115.

Ивана Кирилловича, потомка Клементія Борисовича, въ этомъ списке нетъ. Хотя на самомъ деле ихъ было двое. Насъ, въ принципѣ, снова интересуетъ Хрущовъ-второй.

Но и Иванъ Кирилловичъ Хрущовъ-первый къ исторіи Камчатки имеетъ самое прямое отношеніе, какъ одинъ изъ организаторовъ Первой Камчатской экспедиціи, поэтому мы, пользуясь своимъ авторскимъ правомъ, позволимъ себѣ привести посвященную ему статью въ «Биографіяхъ кавалергардовъ»:

«Иванъ Кирилловичъ Хрущовъ, р. 1693, сынъ стольника Кирилла Григорьевича, генералс-адъютанта фельдмаршала гр. Шереметева, въ 1709 году написанъ въ Павловскій пех. полкъ солдатомъ, гдѣ “былъ капраломъ и унтер-офицеромъ”. Въ 1721 г. Хрущовъ переведенъ въ Лефортовскій пех. полкъ (1-й Московскій), въ 1725 г. произведенъ, по Именному указу, въ прапорщики, въ 1726 г. произведенъ по старшинству отъ ген. Бона въ подпоручики и въ томъ же году взятъ кавалергардомъ въ Кавалергардскій корпусъ, съ производствомъ въ поручики; въ 1727 г. произведенъ въ капитаны. Въ 1731 г. Хрущовъ,

“за имеющимися его болезнями, по свидетельству архитекторскому и докторов... был прислан в Прав. Сенат для рассмотрения”, отставлен от военной службы тем же чином и уволен в годовой отпуск. В 1733 году он определен провинциальным воеводою в г. Енисейск, где и прослужил по 1741 год, когда был переведен в Нарвский гарн. полк подполковником.

“И в бытность мою в оной провинции, — писал в своем прошении Хрущов, — пред прежними воеводами чрез рабский мой прилежный труд и тщательное усердие и неусыпное старание в интересе Вашего Имп. Величества учинил немалую прибыль, как в сборе от прежде бывших определенных к тому сбору офицеров и воевод запущенной доимки, и подушных денег по смену мою ничего в доимке в том городе не оставлено, так и ясачный сбор собирал весь сполна и в доимке не оставил ни малого числа; и прежних годов из доимки по окладам ясачную казну... всю взыскал, который ясачный сбор по оценке в казну В.И. В-ва приходил с немалою прибылью; також в таможенном, десятинном сборе сверх окладу чинил против прежних лет немалый прибор и собирал китайскими лучшими товарами и деньгами с немалым

излишеством. И по экспедиции Камчатской как в трактатах Северным морем от Обского к Енисейскому устью, так и от Ленского к Енисею реке Вашего Имп. Величества судам имел неуспынное мое старание”. В 1743 г. Хрущов был назначен “для строения и починки ветхостей Знаменского монастыря” (в Москве). Он исправил в монастыре “самонужнейшие ветхости” и “в том сочтен”. В 1744 г. Хрущов подал прошение об отставке, так как к “прежним болезням, за которыми в 1731 г. был от военной службы отставлен, паче приключились тяжчайшие многие явные болезни”, а именно, писал Хрущов, “в голове имею всегдашний великий шум и лом и оставшим одним глазом от головной болезни и всегдашнего великого шума уже худо видеть могу и ногами дряхл и весьма всем болен; от которых болезней многое время пользовался, точию от тех моих тяжчайших болезней ни мало не освободился... и никаких дел уже более нести не в состоянии, и время больше бываю болен и неисходен из дому и от времени до времени прихожу в слабость”. Хрущов, указывая на то, что до сего времени он состоит в капитанском чине, каковым был уволен из Кавалергардского корпуса, ходатайствовал о награждении его военным рангом в сравнении с лицами, моложе его по службе, которые, “будучи при штатских же делах, не только полковничьи, но и генералитетские ранги получили... или за означенными болезнями... уволить до излечения”».

У Хрущова было 815 душ крестьян в Тульском (с. Зарянь), Саловском и Данковском уездах и двор в Москве, за Пречистенскими воротами, в Земляном городе, в приходе церкви Успения, что в Острожье.

Итак, эта линия Хрущовых обрывается...

Но если мы пойдем по этой же самой росписи снизу вверх по линии Ивана Кирилловича Хрущова-второго (отбросив всякие сомнения в том, что этот Иван Кириллович

по возрасту годится Алексею Ивановичу в сыновья или в племянники и не мог быть помещиком села Ломинцева Крапивненского уезда по той простой причине, что село в 1764 году было продано Алексеем Ивановичем помещику Воейкову, а он по росписи более юн, чем нужно) то результат будет очень даже интересный (и совсем не такой, как в проекте «Дворяне-Вики»):

IX

188.153 Яков Иванович 1751, ум.

Отставной капитан. **Ж. Филимонова Евдокия Андреевна.**

189.154 Иван Кириллович 1763–1810, С.-Петербург.

В юности с отличием служил под начальством Суворова; 24-х лет был секунд-майором; перешел в гражданскую службу и был Пермским вице-губернатором; действ. стат. сов.

Ж. Санковская Александра Васильевна (дочь литератора).

VIII

153.123 Иван Иванович

154.124 Кирилл Никифорович 1725, ум.

Генерал-майор; под начальством Ферзена участвовал в поражении Косцюшки.

Ж. Анна Артамоновна Бартенева.

Здесь, как нам кажется, место Петра Федоровича и Алексея Ивановича — но они не могли быть включены в эту поколенную роспись, так как исключены были из своего дворянского рода.

VII

И вот теперь, по всей видимости, мы и находим действительное поколение отцов наших героев — двоюродных братьев Алексея Ивановича и Петра Федоровича (исключенных из дворянского рода Хрущовых), а также Кирилла Никифоровича и Ивана Ивановича (не того ли самого

Ивана Хрущова, который и получил 2000 рублей за помощь в раскрытии «заговора» — родного *брата Алексея Ивановича?*):

122.88 Федор Иванович, стольник цариц: Марфы Матвеевны (1676) и Прасковьи Федоровны (1686); государев стольник (1687–1692).

123.88 Иван Иванович, стольник в начальных людях (1703).

124.88 Никифор Иванович, генерал.

Ж. Апраксина (во всех справочниках идет как Апраксина Н. Н., то есть неизвестная — С. В.).

А далее следует, как и положено, истинное поколение их дедов...

VI

88.52 Иван Лукич, стряпчий (1703).

89.52 Максим Лукич, стольник (1692–1703).

90.52 Федор Лукич

V

51.28 Денис Иванович, стряпчий рейтарского строя (1658); стряпчий (1676).

52.28 Лука Иванович, стряпчий (1636–1658); был при встрече персидского посла (5 фев. 1639); ездил за государем (1651–1652); дворянин московский (1668–1682).

53.28 Дмитрий Иванович 1620–1676

Дворянин московский (1676), помещик Елецкого уезда (1646).

54.28 Василий Иванович 1623 — ок. 1680

Жилец, помещик Елецкого уезда (1631–1646); дворянин московский (1669–1679).

55.28 Иван Иванович 1627 —?

Помещик Елецкого уезда (1646); дворянин московский (1676–1679).

IV

26.13 Борис Лукич?–1608 (отец Клементия и Василия Борисовичей — С.В.).

Помещик Тульского уезда (1586–1589); 2-й воевода передового полка в Переяславле Рязанском (1587), послан на встречу турецкому послу (1592); 2-й голова в Валуйках (1604); 2-й воевода большого полка в Туле (1605); 2-й голова в Ельце (1605); голова в Рыльске (1606); пожаловано ему поместье деда (№ 3) в Московском уезде (1608).

27.13 Петр Лукич?–1605

Помещик Тульского уезда (1588); провожал турецкого посла (1592); послан царем Борисом Годуновым убеждать донских казаков идти против самозванца, взят ими в плен (3 сент. 1604) и привезен в Сокольники к самозванцу; передался на его сторону, но вскоре стал его обличать, за что и замучен в Путивле.

28.13 Иван Лукич?–1629

Пожалован поместьем в Московском уезде (1608) и вотчинами в Тульском и Соловском уездах (2 февр. 1617); 2-й воевода в Ельце (1618); пожалован поместьем Елецкого уезда (1620); стряпчий (1629). Ж. Анна N. N., помещица Елецкого уезда.

III

13.3 Лука Петрович Казарин?–1586

2-й полковой воевода в Чернигове (1580–1582); 2-й воевода передового полка на Дону (1585). Жена Богдана N. N.? — после 1587.

II

3.1 Петр Иванович, помещик Тульского, Тарусского и Московского уездов.

I

Иван Иванович, выехал из Польши в Россию в 1493 и пожалован поместьями в Туле и Веркуше; служил по Москве.

Герб этого рода Хрущовых (утвержденный в 1686) — польский герб Саламандра. *«Животное тонкое и малое, скорпии много подобное, не совершенно желтым цветом одеенное, живет огнем, который вся смертное снедает, во огни бо живет Саламандра, свиреп зверок, с распостертыми крыльями; пишется на короне хвост павлиний».*

В родословной росписи, поданной Хрущовыми в 1686 (16 марта), сказано: *«Хрущовы служили в Ческой земле и в каруне польской в честех и дан им герб, в том свидетельствуют русские и польские летописцы и гербовые книги, и ведомо то в государственном посольском приказе и из каруны польской того нашего роду выехал Иван Иванович Хрущов в Московское государство в 7001 году (1493) служить к вел. Князю Ивану Васильевичу всеа (так у Руммеля — С. В.) России и пожаловал его великий князь Иван Васильевич на Туле и на Веркуше и в иных городах волостьми, служил в Москве, а дети его и внучата служили на поместьях своих на Туле и написаны в дворовой книге 7045 (1537) года, а в тысячной книге, как поместили в Московском уезде за бояры и з служилыми князи».*

Как видим из этой росписи, если мы правы, Петр Федорович принадлежал к знатному шляхетскому роду герба Саламандра.

Есть еще один вариант, когда у Хрущовых совпадают имена братьев — Федора и Ивана — и есть сын и племянник **Петр Федорович**.

Это линия брата Ивана Лукича (старшего) — **Петра Лукича**, казненного вторым Самозванцем Дмитрием. Его сыном был елецкий воевода **Григорий Петрович Хрущов**, сыном которого был думный дворянин **Федор Григорьевич**

и внуки — **Иван Федорович** и **Федор Федорович** (воевода Симбирской провинции). У последнего был младший сын **Петр Федорович**, но его старшего сына звали **Андреем Федоровичем**, и именно он был казнен в 1740 году по делу Волынского. И среди его двоюродных братьев не было Алексея Ивановича. То есть наш **Петр Федорович Хрущов** не был братом казненного вместе с Волынским Андрея Федоровича, хотя и был его прямым родственником по линии Ивана Лукича Хрущова.

В этом случае для нас будет весьма любопытной история рода Хрущовых, прослеженная Д. А. Ляпиным в «*Очерках генеалогии дворянских родов Елецкого уезда XVII века*»:

Хрущевы

«Хрущевы — известный дворянский род. Представители этого рода служили при московском дворе постоянно, а Федор Григорьевич Хрущев даже находился в родстве с царицей Марфой, супругой царя Федора Алексеевича, что позволило ему сделать хорошую карьеру [Седов П. В. Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 388].

Хрущевы в XVII веке имели собственный герб, что было редкостью для русского дворянства в то время. Наличие герба связано с тем, что род Хрущевых имел западное происхождение. В родословной росписи, поданной Хрущевыми в 1686 году (16 марта), сказано: “Хрущевы служили в Чешской земле и в каруне польской в честех и дан им герб, в том свидетельствуют русские и польские летописцы и гербовые книги, и ведомо то в государственном посольском приказе и из каруны польской того нашего роду выехал Иван Иванович Хрущов в Московское государство в 7001 году (1493) служить к великому князю Ивану Васильевичу всея России и пожаловал его великий князь Иван Васильевич на Туле и на Веркуше и в иных городах

волостьми, служил в Москве, а дети его и внучата служили на поместьях своих на Туле и написаны в дворовой книге 7045 (1537) года, а в тысячной книге, как поместили в Московском уезде за бояры и с служилыми князи” [Румель В. В. Хрущевы // Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887].

От этого Ивана Ивановича род Хрущевых берет свое начало в русской земле. Он имел 8 сыновей. Весь XVI век Хрущевы были воеводами в городах, хотя некоторые представители рода служили при дворе Ивана Грозного (Лука Иванович) и Бориса Годунова (Алексей Васильевич). Нас будет интересовать ветвь Хрущевых, обосновавшаяся в Елецком уезде. Эта ветвь берет свое начало от Петра Ивановича, второго сына выехавшего на Русь Ивана Ивановича Хрущева. Его единственный сын Лука Петрович ничем особенным не отличился, проведя жизнь в разных городах на воеводстве, он скончался в 1586 году. Лука Петрович имел трех сыновей Петра, Ивана и Бориса.

Борис Лукич Хрущев служил в Воронеже в 1593–94 годах. По некоторым сведениям, он был вторым воеводой в Ельце в 1605 году. Борис Лукич пробыл тут недолго, поскольку ельчане подняли восстание против Бориса Годунова и в апреле 1605 года перешли на сторону Лжедмитрия. Борис был переведен в Рыльск. Он поддержал Василия Шуйского, избранного на трон, и в 1608 году, как старший представитель рода, получил поместье деда Петра Ивановича в Московском уезде. В том же году он погиб на службе. Второй брат, Петр Лукич, в 1604 году был послан Борисом Годуновым на Дон просить помощи казаков, но те схватили его и отвезли Лжедмитрию. Петр Лукич умер во время пыток в Путивле в 1605 году.

Остался младший брат — Иван Лукич. После смерти брата Бориса поместье деда в Московском уезде перешло к нему. Он активно вмешался в водоворот Смуты,

поддерживал Шуйского, потом, в 1613 году, Романовых. За заслуги был пожалован вотчинами в Соловском и Тульском уезде. Около 1615 года Иван Лукич просил пожаловать его поместьем в Елецком уезде, именно этот регион менее остальных пострадал в Смуту. Просьба была удовлетворена. Иван Лукич получил обширные земли в Бруслановском стане. Он основал тут целое село — Борисоглебское, в котором проживали несколько крестьян. Вскоре он приобрел земли и в починке Макееве [Там же. Ф. 1209. Д. 131. Л. 59].

В 1618 году Иван Лукич был назначен вторым воеводой в Ельце “в товарищи” первому воеводе Андрею Богдановичу Полеву. Он стал участником обороны года от войск Сагайдачного, вместе с троюродным братом Степаном Лукьяновичом Хрущевым [РГАДА. Ф. 123. Д. 3. Л. 83–88; Д. 4. Л. 12–51]. Иван Лукич доблестно проявил себя во время осады Ельца Сагайдачным. Его считали погибшим, но Иван был только ранен. В плен к запорожцам попал старший сын Хрущева Денис [Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI — начала XVII веков. Кн. II. М., 1999. С. 171].

После нашествия Сагайдачного Иван Лукич Хрущев обосновался в Елецком уезде вместе с семьей несмотря на то, что его поместье здесь было разорено запорожцами, а один крестьянин уведен в “полон” [РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 5. Л. 174]. Вместе с ним проживали жена Анна и сыновья Дмитрий, Василий, Лука и Иван. После 1626 года Иван Лукич выкупил из плена старшего сына Дениса [Воскобойникова Н. П. Описание... С. 171].

Дослужился Иван Лукич до придворного чина стряпчего. Скончался в 1629 году.

Старший сын, Денис, с конца 20-х годов служил в Москве по военной части. В 1658 году он — стряпчий рейтарского строя. Скончался Денис Иванович в конце 70-х

годов. На земли в Елецком уезде он никогда не претендовал и с родными связями почти не поддерживал.

После смерти Ивана Лукича владения его в селе Борисоглебском перешли вдове Анне [РГАДА. Ф. 1209. Д. 132. 1628/30. Л. 887]. <...> Вместе с матерью проживали и дети, Дмитрий 9 лет и Василий 7 лет, а также малолетний Лука. Где находился второй сын, Иван, неизвестно.

В 1646 году Анна Хрущева имела одно из крупнейших поместий в уезде. На ее земле проживали сто шестнадцать крестьян и бобыль. Один крестьянин числился в беглых. Кроме того, в том же селе за ней и ее детьми числились четыре задворных человека, “старинные, мужа ее Ивана Хрущева” [РГАДА. Ф. 1209. Д. 135. Л. 177–177 об.].

Дмитрий Иванович Хрущев начинает свою карьеру с 30-х годов, к концу жизни в 1676 году он значился как московский дворянин. Один из сыновей Дмитрия, Иван “Меньшой”, получил земли в селе Борисоглебском в 1676 году. На его земле проживали семьдесят три крестьянина [Там же. Ф. 1209. 1678. Д. 8830. Л. 126].

Он ничем особенно не отличился, к службе способностей не проявлял, но прожил до 1741 года. Вторая часть поместья Дмитрия Ивановича в Борисоглебском перешла второму сыну — Прокофию. Он жил недолго и скончался в 1681 году холостым. Третий сын Дмитрия, Василий, дожил до 1725 года. Он получил земли Прокофия в 1681 году, но большую часть жизни проводил в Москве, а затем в Петербурге. С 1692 году служил стольником, был дважды женат, но имел одного сына.

Третий сын Ивана Лукича, Василий Иванович, служил жильцом в Москве с 1631 по 1646 годы. К 1669 году он — дворянин московский. Скончался Василий Иванович в 1679 году. Незадолго до смерти он вернулся и обосновался в Борисоглебском, где на его земле проживали тридцать четыре крестьянина [Там же. Л. 126 об.]. Василий Иванович

оставил трех сыновей: Ивана, Исайю и Осипа. Исайя сделал хорошую карьеру при дворе Петра I. В 1692 году государь пожаловал ему чин стольника, в 1696 году в Азовском походе он служил есаулом. В 1703 году находился в начальных людях. После чего был послан воеводой в Рузу.

Младший сын Ивана Хрущева, Лука, служил в чине стряпчего с 1636 по 1658 годы. В феврале 1639 года он встречал персидского посла. В 40-е годы проживал в своем поместье и занимался хозяйственной деятельностью. В отказных книгах Елецкого уезда Лука Иванович выступил свидетелем распределения урочищ и непаханных земель, так как был грамотен и имел авторитет у соседей [Катков С. И. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. С. 108].

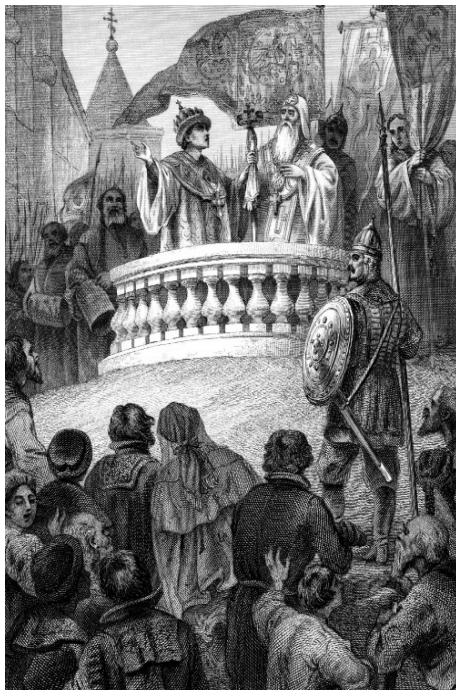
В 60-е годы Лука Иванович вернулся на государеву службу в Москву. Находился он в личном подчинении у государя Алексея Михайловича. За верную службу Лука Иванович был пожалован в чин “дворянин московский” в 1668 году. В 70-е годы Лука Иванович вернулся в родное поместье, но, в отличие от братьев, хозяйственной инициативы не выказывал и был вполне доволен 14 крестьянами, проживавшими на его землях [РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 8830. Л. 126]. Скончался Лука Иванович в 1682 году. У него было три сына: Иван, Максим и Федор».

Федор Иванович, Иван Иванович и Никифор Ивановичи — сыновья Ивана Лукича (младшего) — родители наших героев.

У польского шляхтича Ивана Ивановича Хруща («майского жука», если перевести слово «хрущ» на русский), родоначальника Хрущовых, который поступил на службу к московским великим князьям, было, как мы уже говорили, восемь сыновей — наши герои являются потомками второго по старшинству сына Петра Ивановича — помещика Тульского, Тарусского и Московского уездов.

Но первым в историю России вошел самый младший из восьми братьев: *«Лука Иванович, голова в Чернигове (1543); 4-ый воевода 3-го ертаульного полка в казанском походе (1544); 3-ий воевода 3-го большого полка в полоцком походе (1550); в 1547 записал речь Иоанна Грозного, произнесенную с лобного места к народу, которая оканчивается обращением к Адашеву: “Алексий, взял тебя из нищих”... и т. д.»* (В. В. Руммель и В. В. Голубцов).

«Речь Ивана Грозного», записанная Лукой Хрущовым, стала базовым документом для многих поколений россиян, в котором первый русский царь, будущий Грозный, палач и изверг, призывает к миру.

Речь Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 году

Вот что пишет по поводу введения в научный оборот этого документа В. П. Козлов в книге «Обет юного венециосца» (М., 1996):

«Работая над “Историей государства Российского”, Карамзин широко пользовался документами различных хранилищ Москвы и Петербурга. Вне его внимания не остались и материалы Московского архива Коллегии иностранных дел. Среди рукописей этого архива историограф обнаружил сборник XVII в., основную часть которого занимал список Степенной книги. Как установил Карамзин, сборник попал в архив в начале 40-х гг. XVIII в. из библиотеки одного из сторонников опального Артемия Волынского — А. Ф. Хрущева, очевидно, уже после казни последнего в 1740 г. С легкой руки Карамзина Степенная книга, находившаяся в нем, с тех пор стала называться Хрущевским списком Степенной книги.

Список содержал известия, обычные для того вида Степенной книги, который появился на грани XVI — XVII вв. Однако, знакомясь с ним, Карамзин обнаружил текст любопытного источника — пересказ речи Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 г. перед людьми “из городов всякого чину”. Этот эпизод не был известен Карамзину из других источников. И в настоящее время мы знаем о нем только из Хрущевского списка Степенной книги. Опубликовав в примечаниях к своему труду почти полностью текст этой речи, Карамзин рассказал о ней и в основном тексте “Истории”. Вот как выглядело сообщение Хрущевского списка в интерпретации и пересказе историографа. “Юное, пылкое сердце его (Ивана Грозного) хотело открыть себя пред лицом России: велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного.

Они собрались — и в день Воскресный, после Обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с Крестами,

с Боярами, с дружиною воинскою, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к Митрополиту и сказал: 'Святый Владыко! знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а Вельможи не раздели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда Небесного!.'

Тут Государь поклонился на все стороны и продолжал: 'Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду, соединимся все любовью Христианскою. Отныне я судия ваш и защитник'. В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного Венценосца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным Боярам; хотел, чтобы Митрополит и Святители также их простили именем Судии Небесного; хотел, чтобы все Россияне братски обнялись между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока. В тот же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот обиженных, и сказал ему торжественно: 'Алексий: ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое, не по твоему желанию, но в помощь душе

моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клеветает на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшась единственно суда Божия”.

Речь Грозного, достаточно точно переданная в литературной обработке Карамзина, содержала массу чрезвычайно важных и ответственных для характеристики ситуации середины XVI в. данных. Во-первых, становилось известно о первом Земском соборе. Тем самым отодвигалась вглубь история сословно-представительных учреждений в России. Во-вторых, прямо указывалось на организацию особого учреждения во главе с А. Ф. Адашевым для рассмотрения челобитных, то есть о Челобитенном приказе, возникновение которого до этого относили к более позднему времени. В-третьих, обращали на себя внимание покаяние царя, его обвинения в адрес бояр, заверение царствовать справедливо и т. д. Показание Хрущевского списка Степенной книги хорошо укладывалось в концепцию Карамзина, согласно которой Иван Грозный правил в первые годы “без тиранства и прихотей”. Оно ярко рисовало торжественный момент начала реформ середины XVI в.: молодой царь кается в своем легкомыслии, обещает восстановить справедливость, наказать лихоимцев, предлагает примирение всем сословиям, наконец, жалуется незнатного, но честного слугу и дает ему ответственное поручение общегосударственного значения. Может быть, поэтому увлеченный попавшим в его руки источником Карамзин не обратил внимания на ряд палеографических особенностей рукописи, о которых пойдет речь ниже. Правда, историограф заметил два несоответствия речи Грозного с показаниями других источников. “В сей Степенной книге, —

писал он, — сказано, что Иоанну было тогда 20 лет: не 20, а 17, если он говорил эту речь после бывшего пожара”. А касаясь пожалования Адашева, отметил: “Алексей Адашев по списку Бояр и чиновников Двора... был пожалован в окольные уже в 1555 году”. Речь Грозного на Лобном месте в 1550 г. из Хрущевского списка Степенной книги казалась в начале XIX в. настолько важным и не подверженным сомнениям источником, что была включена даже во вторую часть авторитетнейшей в то время публикации — “Собрания государственных грамот и договоров”, подготовленной сотрудниками архива, где хранился список Степенной книги. Здесь она названа “воззванием” и трактуется как документ, имевший в середине XVI в. общегосударственное значение, — “О прекращении вопиющих притеснений, налогов и несправедливостей, в судах укоренившихся, от управления государством бояр, в продолжении малолетства государева; о строгом наказании за подобные впредь злодеяния и о пожаловании в окольные Алексея Адашева для принятия челобитен от обидимых и для защиты немощных от руки сильных”. Как видим, заголовок, данный источнику в “Собрании”, так же, как и у Карамзина, подчеркивал серьезность и важность намерений самодержавной власти в середине XVI в. устранить всевозможные злоупотребления, которые распространились во время малолетства Ивана Грозного. Правда, в отличие от Карамзина, издатели “Собрания” оказались более внимательными к палеографической стороне Хрущевского списка Степенной книги, впервые указав, что “воззвание” публикуется ими по списку, то есть отметили, что листы, на которых рассказывалось о речи Грозного, представляли собой копии неизвестного им оригинала. Освященная авторитетом Карамзина и “Собрания”, речь Грозного с тех пор в течение долгого времени рассматривалась как важный, хотя и не во всем ясный

источник сведений о начале реформ середины XVI в. Ее, например, безусловно принимали историки С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, активно поддерживали потомки последнего владельца рукописи Степенной книги — Хрущева, связывая с одним из своих предков даже саму запись речи Грозного. Такое отношение к памятнику объяснялось и тем, что после Карамзина и издания в “Собрании” никто не обращался непосредственно к оригиналу — рукописи, хранившейся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Особые обстоятельства созыва этого собора, казалось, подтверждали идею о том, что в России самодержавная власть в борьбе с боярством пыталась использовать земское представительство. Первым усомнился в речи Грозного В. О. Ключевский. Однако и он, отметив наличие в ней противоречий с показаниями других источников, в целом не решился признать ее полностью недостоверной, а тем более фальсифицированной. По его мнению, собор 1550 г. с речью на нем Ивана Грозного — это “потерянный факт” в политической истории России XVI в. из-за искажения известий о нем в Хрущевском списке Степенной книги. Близкую точку зрения высказал и Н. П. Лихачев. Не сомневаясь, что такой эпизод в русской истории середины XVI в. имел место, он лишь сожалел о его “искажении” в единственном дошедшем до нас списке, повествующем об этом. Перелом в отношении к фактам, изложенным в Хрущевской Степенной книге, произошел несколько позже и оказался связанным со статьями С. Ф. Платонова и его ученика П. Г. Васенко. Правда, и Платонов не избежал влияния общераспространенной точки зрения. В своей статье 1883 г. “Заметки по истории московских соборов” он еще не сомневался в подлинности речи Грозного на соборе 1550 г., равно как и в реальности самого собора. Но уже в статье, опубликованной в 1900 г., Платонов решительно отрицает

подлинность речи Грозного в записи по Хрущевскому списку Степенной книги. Аргументы Платонова сводились к следующему. Во-первых, историческая ситуация 1550 г. не дает основания утверждать, что такой собор должен был произойти и на нем пришлось выступить Грозному. Во-вторых, речь Грозного нам известна из одного, сравнительно позднего списка, каким является Степенная книга Хрущева. Впервые после многих лет обратившись к оригиналу Хрущевского списка Степенной книги, Платонов обнаружил, что запись речи в нем находится на вставных листах более позднего, чем весь список Степенной книги, времени. По мнению Платонова, интерполяция этих листов с речью произошла в период между концом XVII в. — 1742 г. Выводы Платонова были развиты Васенко. Знаменитая речь Грозного оказалась написанной на бумаге, отличной от остальной части рукописи Степенной, к тому же листы с речью были вставлены позднее, вместо удаленных из рукописи оригинальных листов. Почерк вставных листов резко отличался от почерка всей рукописи. Но на этом сюрпризы Хрущевской Степенной книги не кончились. Ученый обнаружил в ней еще две вставки. Первая, написанная на той же бумаге и тем же почерком, что и вставка речи Грозного, рассказывала о сватовстве великого князя Литовского Александра к дочери Ивана III Елене. Факт этот общеизвестный и реальный в русской истории. Однако вставка сообщала ряд неизвестных подробностей. Согласно ей, великий князь после совета с митрополитом Симоном решил провести обручение в Москве. А “во второе лето” княжна в сопровождении боярина Якова Захарьича “со товарищи” была отправлена в Вильну “до венчания и о укреплении, чтоб жить в любви, и греческой веры не отымать”. Яков Захарьич затем возвратился в Москву, а в Литву сопровождать княжну отправились дворянин Иван Андреевич Чевкин-Дурново

“со товарищи”, игумен из Переславля-Залесского, протопоп, два попа и два дьякона. Прибыв туда, Чевкин-Дурново сообщил великому князю о требовании его зятя, чтобы Елена отказалась от греческой веры и перешла в католичество. Далее повествовалось о смерти Елены и сообщалось, что “Иван Чевкин и иже мнози от нужды помроша”. Опечаленный великий князь пожаловал родственников умершего дворянина, в том числе “Иванова сына Чевкина Михаила волостью в Кашире и иными различными милостями в утешение и глагола им: ‘мне вашего горше яко дщерь свою погубил. Вам же аз мздовоздам за смерть отцов ваших, и матерей, и дядей и братьий’”. Вторая вставка представляла собой подлинные листы текста Хрущевского списка Степенной книги, механически перенесенные в другое место. Характеризуя первые две вставки, Васенко заметил, что “почерк всех вставок — грубый полуустав исхода XVII в., идентичный и не встречающийся ни в каком другом месте рукописи. Для помещения вставок употреблялись одинаковые приемы: вырезали листы рукописи и вместо них пришиты или приклеены новые, причем 7 листов старого текста заменены 9 листами вновь написанного”. Васенко обратил внимание и на существенные искажения исторических реалий в изложении событий во вставке о замужестве великой княжны Елены: обручение княжны произошло не при митрополите Симоне, а при Зосиме, преемником которого стал Симон (уже после отъезда Елены в Литву). В данном случае автор вставки повторил ошибку, содержащуюся в том же Хрущевском списке Степенной книги. Отсюда же заимствовано и показание о Якове Захарьиче, который, по другим источникам, никогда не ездил в Вильну. Автор вставки допустил и еще один промах: отнес смерть Елены ко времени княжения Ивана III, тогда как даже в самом Хрущевском списке говорилось, что она скончалась при Василии III. Отсюда

и вымысел речи Ивана III по этому поводу. Явно преувеличена, по Васенко, и роль при дворе Чевкина-Дурново, о котором вообще не упоминают другие источники. Платонов и Васенко обратили внимание на то, что в конце XVII в. владельцем Степенной книги был окольный С. С. Колтовский, подвергнувшийся в 1691 г. опале за учиненное им “непослушание много и противность”. Поскольку еще в XVII в. род Колтовских вел свое начало от Чевкиных, Васенко связал вставку с именем С. С. Колтовского, который, по его мнению, сделал ее “в интересах возвеличения рода Колтовских”. Из этого вытекало и общее отношение Васенко к речи Грозного. Характеризуя ее, исследователь отмечает наличие анахронизмов, “невывержанность в композиции”, “несоответствие тона обращения царя к боярам с настроением Иоанна в 1550 г.”, близость ряда выражений речи к тексту Стоглава, переписке Грозного с Курбским, “Истории” Курбского и т. д. Речь Грозного, заключал Васенко, как и вставка о замужестве княжны Елены, не имеет значения исторического источника. По мнению ученого, вставку о речи Грозного также можно связать с именем Колтовского (тем более, что обе вставки написаны одним почерком). “Можно отметить некоторое сходство в положении России в малолетство Грозного и во время правления царицы Натальи Кирилловны”, когда Колтовский был подвергнут опале и мог придумать созвучную политической ситуации конца XVII в. грозную речь царя на соборе 1550 г. Статьи Платонова и Васенко сыграли определяющую роль в дальнейшем отношении к показаниям Хрущевского списка Степенной книги. Было безусловно доказано, что речь Грозного, как и показание о замужестве великой княжны Елены, является по меньшей мере интерполяцией в Степенную книгу, причем более позднего, чем весь список, времени. Установление же недостоверности вставки о Чевкине-Дурново, написанной

той же рукой, что и речь Грозного, ставило на твердую основу подозрение в недостоверности и последней. Доверие к Хрущевскому списку Степенной книги было серьезно подорвано. Речь шла уже не просто об источнике, неясном по происхождению, не просто позднем или недостоверном. И Платонов, и Васенко прямо связали вставки в Хрущевский список Степенной книги с фальсификацией, продиктованной генеалогическими соображениями и политической конъюнктурой конца XVII в. Однако восприятие статей этих ученых оказалось далеко не однозначным, даже в научных кругах, не говоря уже о популярных работах, где речь Грозного представляла прекрасную возможность порассуждать о начале сословного представительства в России, рассказать о смелом решении молодого царя найти опору в борьбе с боярством, бюрократическими злоупотреблениями, покончить с несправедливостью, укоренившимися во время его малолетства. Выводы Платонова и Васенко казались излишне решительными. И удивительное дело: в аргументах противников их точки зрения все чаще и чаще смещались акценты — речь постепенно пошла не об отношении к показанию Степенной книги Хрущева, а о том, мог или не мог быть собор в 1550 г., мог или не мог выступить на нем Иван Грозный. В следующей главе мы убедимся в том, что подобный подход к фальсификациям, когда проблему подлинности источника подменяют проблемой достоверности какого-либо содержащегося в нем факта, отнюдь не единичное явление. На основании анализа источников исследователи все-таки считают, что такой собор мог иметь место между 1547–1550 гг. Даже Платонов, после того как в 1921 г. было опубликовано так называемое “Продолжение Хронографа редакции 1512 г.” в рукописи рубежа XVII — XVIII вв., где сообщалось о собрании в царской палате в феврале 1549 г., скорректировал свою точку

зрения на показание Хрущевского списка Степенной книги, полагая, что редакция 1512 г. послужила основой для записи речи Ивана Грозного на Лобном месте в Хрущевской Степенной книге. Однако мы не будем углубляться в вопрос, был или не был в середине XVI в. собор, о котором рассказано в Хрущевском списке. Нам важно все-таки разобратся, что же собой представляет сама вставка о речи Грозного, кто, когда и какими мотивами руководствовался при ее составлении. И здесь надо сказать, что работы Платонова и Васенко не сняли проблему. С. В. Бахрушин, например, изготовление вставки относил к середине XVII в. и связывал ее с городскими восстаниями 1648 г. А. А. Введенский констатировал, что вставка была сделана человеком, пропагандировавшим продолжение практики земских соборов. С. О. Шмидт высказал мысль о том, что речь Грозного вставлена в Хрущевский список Степенной книги в 30-х гг. XVIII в., то есть не одновременно со вставкой о замужестве великой княжны Елены. С. Б. Веселовский повторил за Платоновым и Васенко, что вставки были сделаны по генеалогическим соображениям, но не Колтовским, а кем-то из Хрущевых. Его точку зрения разделил и Н. И. Павленко. Столь противоречивые мнения специалистов действительно диктовали необходимость вновь вернуться к самой рукописи Хрущевского списка Степенной книги. Это было сделано В. Н. Автократовым. Развивая выводы Платонова и Васенко, Автократов сделал ряд новых важных наблюдений, которые сводятся к следующему. Все памятники, вошедшие в Хрущевский список Степенной книги, не могут быть датированы ранее первой половины XVII в. Время составления Хрущевского сборника в целом относится к периоду правления царя Алексея Михайловича (1645–1676), так как в списке Степенной книги он упоминается как здравствующий. Филиграни вставок в Степенную книгу

показывают, что они написаны на бумаге 80-х гг. XVII в. Сам сборник попал к Хрущевым, очевидно, в составе приданого жены А. Ф. Хрущева — А. Н. Колтовской, внучки Колтовского. Первая вставка — о Чевкине-Дурново — сделана после 25 июня 1686 г., когда Колтовские в связи с отменой местничества подали родословную роспись, в которой никакой Чевкин еще не фигурирует. В то же время она не могла быть сделана в начале XVIII в., когда петровские указы окончательно положили конец местническим спорам, и генеалогические доказательства потеряли всякий смысл. Вставка преследовала цель обосновать права Колтовских, которые ошибочно считали себя потомками Чевкина, на земельные владения в Каширском уезде, а заодно прославить древность и известность их рода. Она связана с именем Колтовского, у которого после опалы 1691 г. имелись реальные причины для возвеличивания своего рода. При изготовлении второй вставки — речи Грозного — автор использовал Хрущевский список Степенной книги, одно из мест которой (описание событий после смерти царицы Екатерины Глинской) натолкнуло его на мысль о сходстве ситуаций середины XVI в. и конца XVII в. Вставка имела публицистический характер. Выдумав речь Грозного, автор сознательно в фальсифицированном пересказе события середины XVI в. отразил свои взгляды на политическую ситуацию конца XVII в.: отметил тяжелое положение страны, главной причиной которого считал личные качества Петра I, мздоимство правительственных кругов и близких к ним лиц; выступил с программой улучшения положения дел в государстве, основными пунктами которой были требования созыва Земского собора для наказания лихоимства, организации праведного суда, привлечения к руководству страной дворянства, в том числе неродовитого, и возвышения церкви как духовного наставника нации. Эта программа,

подчеркивает исследователь, в целом носила консервативный характер, идеализировала земское представительство и несомненно отрицала тот поворот, который намечался в политике Петра I, отражая недовольство его политическим курсом части господствующего класса. Тщательно и впервые изучив жизненный путь Колтовского, Автократов определенно связывает вставку речи Грозного с его именем: Колтовский был участником последнего Земского собора 1684 г., в 1691 г. оказался в опале. Говоря о времени вставки речи Ивана Грозного, Автократов обращает внимание на то, что автор подделки в завуалированной форме сам оставил указание на это. Анахронизм вставки в определении возраста Ивана Грозного (20-й год вместо 17-го) был подмечен еще Карамзиным. Именно в 1691 г. Петру I шел 20-й год. Следовательно, заключает Автократов, между октябрём 1691 г. (время опалы Колтовского) и январём 1692 г. (время снятия с Колтовского опалы) и была изготовлена фальшивая речь Грозного. Казалось бы, статья Автократова ставила если не все, то большинство точек над «i» в отношении вставок в Хрущевский список Степенной книги. Однако аргументацию Автократова приняли далеко не все исследователи. Ряд контрдоводов был выдвинут академиком М. Н. Тихомировым, а затем и С. О. Шмидтом. Понятно, что названные и другие ученые уже не могли отрицать факта позднейшей интерполяции в Хрущевский список Степенной книги. Однако, по мнению Тихомирова, палеографический анализ не дает оснований утверждать, когда была проведена такая интерполяция. Ученый полагает, что она могла быть сделана даже в XVIII в., причем не кем-то из Колтовских, а одним из Хрущевых. Более того, в основе вставки с речью Ивана Грозного лежал реальный исторический источник — летописная запись, вышедшая в середине XVI в. из официальных московских

кругов, близких к Адашеву, для оправдания его возвышения. Речь Грозного не характерна для позднейших (т. е. XVIII в.) подделок, наоборот, она «соответствует риторическим приемам Грозного и даже его фразеологии». Трудно также предположить, продолжает Тихомиров, чтобы фальсификатору конца XVII — начала XVIII в. пришла в голову мысль взять за основу своей подделки «малоизвестные факты XVI в., которые сделались более или менее ясными только исследователям XX века». Точку зрения Тихомирова считает «наиболее вероятной» и Шмидт. Он обратил внимание на то, что Хрущевы находились в дальнем родстве с потомками Адашева. «Вполне уместно предполагать», пишет он, что среди окружения и потомков Адашева сохранились предания или даже записи о политических событиях середины XVI в., которые затем и послужили источником вставки в Хрущевский список Степенной книги. С другой стороны, «имеются данные для предположения» о том, что в основе вставки могло быть «не дошедшее до нас публицистическое сочинение, близкое по времени к описываемым событиям». Оно в конце XVII в. или позже с некоторыми изменениями и могло быть внесено неизвестным автором в Хрущевский список Степенной книги. Результат этих исследований, возможно, разочарует читателя. В самом деле, где же истина? Можно ли считать вставки в Хрущевский список Степенной книги подделкой, или же перед нами все-таки источник, хотя и позднейший, но важный для характеристики политической истории России середины XVI в.? Увы, случай со вставками в Хрущевский список Степенной книги лишний раз подтверждает, что грань между подлинным источником и подделкой оказывается подчас неуловимой не только с позиций объективных реалий, но и в восприятии исследователей. Факт признания или отрицания ими подделки нередко зависит от их убежденности, исследовательского

мастерства и научной добросовестности. В отношении к вставкам в Хрущевский список Степенной книги столкнулись две серьезно аргументированные точки зрения. Каждый вправе присоединиться к любой из них — в настоящее время наука не имеет возможности однозначно сформулировать свое отношение к этому сложному по происхождению и содержанию источнику. Если же читателя интересует мнение автора настоящей книги, то он, включив этот источник в свою работу о подделках, вполне однозначно выразил свое отношение к нему. По нашему мнению, любая точка зрения на проблему предполагает аргументированный разбор иных точек зрения. К сожалению, в данном случае мы не видим такого анализа со стороны тех, кто считает вставки с речью Ивана Грозного отражением реального события или факта, взятого из существовавшего, но не дошедшего до нас источника середины XVI в. В работах Платонова, Васенко, Автокротова, на наш взгляд, имеется стройная, подтверждаемая реальными фактами конца XVII в. аргументация: конкретно выявлены мотивы, время, автор, источники вставок, то есть предложено решение тех вопросов, которые неизбежно возникают при разоблачении подделок исторических источников. Для обоснования иного вывода необходимо доказать, что вся их аргументация неубедительна. А этого пока не сделано».

То есть спор продолжается. И непонятно, если это фальсификация, кто ее автор — обиженный на Петра I, лишенный окольничего чина и «чести» Семен Семенович Колтовский, дальний родственник Ивана Грозного, или зять Колтовских — блестяще образованный Андрей Федорович Хрущов?

«Хрущев, Андрей Федорович [1691–27 VI (8 VII) 1740, Петербург]. В 1705–1712 обучался в московских немецкой и французской школах Э. Глюка, О. Гагена, И. Вернера как

своекоштный ученик “без жалованья, на своих довольствах”. В 1712 был отправлен в Голландию для изучения “навигационных наук”. В 1720 вернулся в Россию, служил в Адмиралтейств-коллегии в звании поручика, затем капитана (с 1721), с 1726 — советник при Адмиралтейской конторе. В марте 1734 был назначен помощником В. Н. Татищева и направлен в Сибирь для надзора за рудопромышленными заводами. По возвращении в Петербург Хрущев сблизился с А. П. Волынским и его “конфидентами” — П. М. Еропкиным и Ф. И. Соймоновым, составлявшими оппозиционную по отношению к правительству группу. В 1739 г. Андрей Хрущев принимал активное участие в составлении Волынским “Генерального проекта о поправлении внутренних дел государства” и, видимо, знакомил его с иностранной политической литературой, так как он не знал языков. В 1739 г. А. П. Волынский был единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета. Вскоре, однако, главному его противнику Остерману удалось вызвать против Волынского неудовольствие императрицы. Хотя ему удалось, устройством шуточной свадьбы кн. Голицына с калмычкой (камчадалкой — С. В.) Бужениновой (которая исторически верно описана Лажечниковым в “Ледяном Доме”), на время вернуть себе расположение Анны Иоанновны, но доведенное до ее сведения дело об избииении Тредьяковского и слухи о бунтовских речах Волынского окончательно решили его участь. Остерман и Бирон представили императрице свои донесения и требовали суда над Волынским; императрица не согласилась на это. Тогда Бирон, считавший себя оскорбленным со стороны Волынского за избииение Тредьяковского, совершенное в его “покоях”, и за поношение им действий Бирона, прибегнул к последнему средству: “либо мне быть, либо ему”, — заявил он Анне Иоанновне. В первых числах апреля 1740 года Волынскому было запрещено являться ко двору; 12 апреля, вследствие доложенного императрице дела 1737 года о 500 рублях

казенных денег, взятых из конюшенной канцелярии дворецким Волынского, Василием Кубанцем, “на партикулярные нужды” его господина, последовал домашний арест, и через три дня приступила к следствию комиссия, составленная из семи лиц. Первоначально Волынский вел себя храбро, желая показать уверенность, что все дело окончится благополучно, но потом упал духом и повинился во взяточничестве и утайке казенных денег. Комиссия искала и ждала новых обвинений, и из них самое большее внимание обратила на доносы Василия Кубанца. Кубанец указывал на речи Волынского о “напрасном гневе” императрицы и вреде иноземного правительствa, на его намерения подвергнуть все изменению и лишить жизни Бирона и Остермана. Допрошенные, также по доносу Кубанца, “конфиденты” Волынского подтвердили во многом эти показания. Важным материалом для обвинения послужили, затем, бумаги и книги самого Волынского, рассмотренные Ушаковым и Неплюевым. Между его бумагами, состоявшими из проектов и рассуждений, напр. “о гражданстве”, “о дружбе человеческой”, “о приключаящихся вредах особе государя и обще всему государству”, самое большое значение имел его “генеральный проект” об улучшении в государственном управлении, писанный им по собственному побуждению, и другой, уже с ведома государыни, проект о поправлении государственных дел. Правление в Российской империи должно быть, по мнению Волынского, монархическое с широким участием шляхетства, как первенствующего сословия в государстве. Следующей правительственной инстанцией после монарха должен быть сенат, с тем значением, какое он имел при Петре Великом; затем идет нижнее правительствo, из представителей низшего и среднего шляхетства. Сословия: духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынского, значительные привилегии и права. От всех требовалась грамотность, а от духовенства и шляхетства более широкая

образованность, рассадниками которой должны были служить предполагаемые Волынским академии и университет. Много предлагалось реформ для улучшения правосудия, финансов, торговли и т. д. При дальнейшем допросе Волынский (с 18 апреля уже в тайной канцелярии) его называли клятвопреступником, приписывая ему намерение произвести переворот в государстве. Под пыткой Хрущев, Еропкин и Соймонов прямо указывали желание Волынского самому занять российский престол после кончины Анны Иоанновны. Но Волынский и под ударами кнута в застенке отвергал это обвинение и всячески старался выгородить Елизавету Петровну, во имя которой будто бы, по новым обвинениям, он хотел произвести переворот. Не сознался Волынский в изменнических намерениях и после второй пытки. Тогда, по приказу императрицы, дальнейшее разыскание было прекращено и 19 июня назначено для суда над Волынским и его “конфидентами” генеральное собрание, которое постановило: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него предварительно язык; 2) его конфидентов — четвертовать, и затем отсечь им головы; 3) имения конфисковать и 4) двух дочерей В. и сына сослать в вечную ссылку. 23 июня этот приговор был представлен императрице, и последняя смягчила его, указав головы В., Еропкина и Хрущева отсечь, а остальных “конфидентов” по наказанию сослать, что и было исполнено 27 июня 1740 г. Возвращенные из ссылки на другой год после казни, дети Волынского с разрешения императрицы Елизаветы Петровны поставили памятник на могиле своего отца, похороненного вместе с Хрущевым и Еропкиным близ ворот церковной ограды Сампсониевского храма (на Выборгской стороне). В 1886 г., по почину М. И. Семевского, на пожертвования частных лиц, был воздвигнут на могиле Волынского, Еропкина и Хрущева новый памятник. Большая библиотека Хрущева, состоявшая преимущественно из книг на французском

языке, в 1742 поступила в Библиотеку СПб. Академии наук. В 1719 в Амстердаме Хрущев перевел на рус. язык известнейшее произведение назидательной литературы европейского Средневековья — трактат Фомы Кемпийского “О подражании Христу” (нач. 1420-х гг.) под загл. “Утешение духовное, или Книга следования Иисуса Христа” (Хрущев считал свой перевод на рус. язык первым, но в действительности он был третьим). Беловой список перевода он поднес княгине И. П. Долгорукой, которая находилась тогда в Голландии. В предисловии Хрущев изложил историю самой книги и свои принципы перевода, новые для русской литературы: “Переводил я не от слова до слова, то б была на русском языке французская книга, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами”, однако при переводе цитат из Библии Х. точно следовал ее слав. переводу, а главы, трактующие догматические вопросы, “переводил с великим смирением, осторожностью и страхом, чтоб не погрешить против самой церкви”. Из всех русских переводов XVII — XVIII вв. этот перевод был самым распространенным в рукописной традиции и сохранился в десятках списков; в 1799 И. Михайлов издал первые две части перевода Хрущева под заглавием “Лекарство для болящая души...”, модернизировав язык. Еще в Голландии Хрущев начал, а по возвращении в Россию в 1724 закончил “Похождение Телемака” — первый рус. перевод книги Ф. Фенелона, трижды изданный в XVIII в. (1747; 3-е изд. 1782; во всех изданиях указана ошибочная дата перевода: 1734). В рукописных списках и в печатных изданиях имя переводчика отсутствует, перевод атрибутируется Хрущевым на основании свидетельств С. А. Порошина и Я. Я. Штелина. В издание не вошло предисловие переводчика, в котором изложена история книги и причины, побудившие Х. перевести ее. Предположение об участии М. В. Ломоносова в подготовке издания 1747 в качестве переводчика и атрибуция ему рукописного предисловия ошибочны.

В. К. Тредиаковский в предисловии к “Тилемахиде” (1766) о переводе Х. писал, что “уже изданный тиснением ‘Тилемах’ наш не весьма исправен”, а И. С. Захаров в предисловии к своему переводу (1786) высказался еще резче: “Кто читал сию книгу на французском языке, тот, конечно, найдет, что она в российском переводе много от начальных красот своих утратила, и так, что едва следы ее видны. Нет ни единого описания, ни единой картины, ниже простого повествования, которые б не были наполнены великими ошибками, пропусками и даже лишены в некоторых местах всякого смысла, имена самые перепорчены”. Однако А. Т. Болотов считал книгу Фенелона в переводе Х. “первым камнем, положенным в фундаменте всей моей будущей учености”. Во второй половине 1720-х гг. Хрущев перевел с французского языка “Второй трактат о правлении” Дж. Локка — “О правлении гражданском”. Перевод сочинения об управлении, основанном на принципе парламентской монархии, был выполнен, вероятно, по поручению кн. Д. М. Голицына и был одним из шагов по ознакомлению правящих кругов рус. общества с новейшими западноевроп. политическими доктринами. На двух французских книгах из библиотеки Хрущева, приобретенных им в Амстердаме (хранятся в БАН), имеются его записи: на книге Ф. Фенелона “О воспитании девиц” (*“L’Education des filles”*, 1697) — “Переведена на русский язык 1738 года во время печали”, на книге И. де ла Шетарди (*de la Chetardie*; 1636–1714) “Наставление юной княжне” (*“Instruction pour une jeune Princesse”*, 1697) — “Переведена на русский язык 1738 году в декабре”. Эти переводы не обнаружены» (*Русский биографический словарь*).

Какие выводы — способен ли был Андрей Федорович Хрущов создать такой исторический шедевр, как «Речь Ивана Грозного на Лобном месте»?

Но этот политический памфлет был не единственным творением, связанным с Хрущовыми.

Известен еще один, рожденный Великой Смутой, в котором с публицистическим жаром говорится о том, что Романовы, взойдя на трон, пригрели на своей груди самых гнусных предателей, творящих Смуту.

Сегодня многие из историков пришли к выводу, что в организации Смуты, «самозванщины» и польского вторжения клан Романовых принимал самое непосредственное участие.

Историки в «Русском биографическом словаре А. А. Половцова» приводят пример с одним из родственников Романовых — Петром Никитичем Шереметевым, который *«не смотря на такое, можно сказать, дружеское отношение к себе царя Бориса, <...> довольно спокойно принял появление первого самозванца»:*

«В 1604 г., когда весь юг Московского государства волновался от подметных грамот самозванца, а поляки сносились с крымским ханом Казы-Гиреем, прося помощи царевичу Димитрию, — царь Борис Годунов высказал Ш. особое доверие, поручив его начальству отборное войско, отправленное в начале 1604 г. в Северскую землю. В товарищи Ш. назначен был кн. Василий Щетинин-Ярославский, а передовой полк вел Мих. Глеб. Салтыков. Царь Борис приказал Ш. стать в Ливнах, откуда было удобно, смотря на надобности, воевать с крымцами или с донскими казаками. Чтобы разузнать о настроении умов на Дону, царь послал туда в это же время дворянина Хрущова и велел выяснять казакам, что они заблуждаются, принимая самозванца за Углицкого царевича Дмитрия. Проездом на Дон, Хрущов виделся в Ливнах с Ш. и Салтыковым: у первого из них он обедал, у второго ужинал. В откровенной беседе с воеводами, Хрущов рассказал, о чем ему велено говорить с донскими казаками. По словам Хрущова, Ш. изумился и, пожав плечами, сказал: “Мы ничего не знаем, однако из сего догадываемся, что не против Перекопского

царя, но против другого нас отправляют; и ежели сие так будет, то трудно против природного государя воевать”. — При первых победах самозванца, Борис Годунов отозвал Ш. в Москву, вероятно для того, чтобы получить от него разъяснение относительно обстоятельств, благоприятствовавших успеху самозванца. 21-го января 1605 г. царские воеводы разбили скопище самозванца при деревне Добрыничах, и Лжедмитрий уцелел в этом сражении только вследствие оплошности или нерадения царских воевод, кн. Феод. Ив. Мстиславского и кн. Вас. Ив. Шуйского. Это известие чрезвычайно огорчило царя Бориса, и он послал к боярам и воеводам Ш. и думного дьяка Афанасия Власова, которые и объявили в остроге Радогостском (ниже Почена 30 верст, против Стародуба), воеводам и войску от имени государя следующее: “Пособствием Божиим воинство Ляцкое побили, а что Гришки самого не поймали, и то вы учинили своим нерадением и неслужбой”».

Судьба же самого Хрущова была печальной. В «Русском биографическом словаре» сообщается следующее о Петре Лукиче: «первый казачий голова донских казаков, назначенный московским правительством, казнен в Путивле в 1605 г. Службу начал сыном боярским по г. Туле, а затем служил казачьим сотником в украинских городах: Ливнах, Рыльске, Путивле и др. В 1592 г., когда царь Феодор Иоаннович отправил послом в Константинополь Григория Нащокина, то для наблюдения за донскими казаками был к нему прикомандирован Х. Нащокин оставил его у донских казаков под предлогом наблюдения за “приходом безвестно” ордынских хищников; но казаки догадались, что это правительственная попытка учредить за ними надзор, и зароптали: “Прежде сего — говорили они — мы служили государю, а чужих голов у нас не было, и ныне рады служить с своими же головами,

а не с Петром”. В 1604 г. Борис Годунов отправил Хрущова на Дон разъяснять казакам их заблуждения относительно самозванца и убеждать их идти против него, но казаки схватили Хрущова и скованного доставили 3 сент. 1604 г. к Лжедмитрию. Желая спасти свою жизнь, Х. залился слезами пред самозванцем и, пав на колени, воскликнул: “Вижу Иоанна в лице твоём; я твой слуга на веки!”. Русская летопись отметила его, как “первого изменника”, но это несправедливо. Х. искал случая погубить самозванца, но не успев, стал его обличать всенародно, за что в 1605 г. и был замучен в Путивле» (В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный Сборник. Ч. II. С. 612; Гр. А. Бобринский. Дворянские роды. Ч. I. С. 549; Русская Старина. 1883. XXXVIII. С. 472; В. Броневский. Ист. Донского Войска. Ч. I. С. 86; А. Савельев. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870).

Татьяна Щербакова в очерке «1547–1956. Неразгаданный Хрущев» несколько приукрашивает эту «измену»: «Но в Путивле не только не выдали Петра Хрущева Годунову, а пытали его, выведывая оборонные тайны России. И он их под пытками выдал. В конце лета 1604 года Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северной земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что “царевич в Литве есть, но войска его в Северной земле не ждут”. Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания Петра Хрущева.

Осенью 1604 года московское командование, видимо, не предупрежденное о том, что военные тайны стали достоянием Лжедмитрия, не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге — через

Смоленск, а через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская. Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Еще с конца Ливонской войны в Севск и Курск ссылались опальные холопы, которых было легко поднять на бунт».

А ведь никакой тайны в том, что путь через Чернигов был открыт для Лжедмитрия, не было. Вопрос в другом: кто этот путь ему открыл, ведь все российское отребье изменников и предателей было собрано именно на этом направлении движения Лжедмитрия!? И что случилось со всеми теми, кто попытался стоять на пути лжецарей?

Плохо кончил и сам Петр Никитич Шереметев: **«Увещание Ш. и его товарищей ни к чему не послужили, и под вечер Плещеев (сторонник Лжедмитрия II, “тушинского вора” — С. В.) со своим скопищем был впущен в Псков, а Ш. и многие из псковских гостей посажены в тюрьму. Ш. пробыл в тюрьме около года и 13 июня 1609 г. удушен приверженцами Тушинского вора, приезжавшими в Псков, чтобы склонить Ш. и сидевших в тюрьме “нарочитых града мужей” принести присягу самозванцу (за которым, как известно, снова стояли Романовы, возвысившие впоследствии Плещеевых — С. В.)».**

Интересно, а кто мог распустить слух об «измене» Хрущова?

Но и это еще не все вопросы. В своем очерке *«Неразгаданный Хрущев»* Татьяна Щербакова прямо говорит о родстве Хрущовых с Романовыми (!) и Отрепьевыми (!!!) — собственно, и саму причину направления Петра Лукича Хрущова на Дон к казакам она видит в том, что Петр Лукич лично знал Григория Отрепьева.

ХРУЩЕВЫ — РОДНЯ ЦАРЯМ РОМАНОВЫМ

1

Выше всех в это время возвысились правнуки Луки Хрущева, потомки (внуки) его сына Петра Лукича, замученного в стане Лжедмитрия Первого в Путивле, — Федор (Большой) Григорьевич Хрущев и Федор (Меньшой) Григорьевич Хрущев — сыновья Григория Петровича Хрущева, сына Петра Лукича.

Через свою родственницу Домну Богдановну Хрущеву они даже породнились с самим царем Федором Алексеевичем, старшим братом Петра Первого. Но, по опубликованным документам, эта Домна Богдановна довольно загадочный персонаж.

По одним — она жена Федора Матвеевича Апраксина, сподвижника Петра Первого, генерала армии, первого президента Государственной Адмиралтейств-коллегии, командующего русским флотом в Северной войне и Персидском походе в 1822 году. Это брак, как значится в документах, был бездетным. Сестра Федора Матвеевича, Марфа Матвеевна, стала второй женой царя Федора Алексеевича. Правда, через два половиной месяца она оказалась вдовой. Но ее родственники сделали блестящую карьеру при дворе. В их число вошли и братья Хрущевы.

Но большее доверие вызывают другие документы. Это опубликованная родословная роспись Путиных (*нынешнего Президента России — С. В.*). Начнем со II поколения:

2-1 ЯКИМ НИКИТИЧ («Якимко Никитин») умер до 1677–1627/28: бобыль дер. Бородино прихода села Тургиново Захожского стана Тверского уезда вотчины боярина Ивана Никитича Романова; 1654: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярина Никиты Ивановича Романова.

III поколение

3–2 ГУРИЙ ЯКИМОВИЧ («Гурка Якимов») 1654: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярина Никиты Ивановича Романова; 1677: дер. Бородино, крестьянин дворцовой Тургиновской волости Тверского уезда.

С 1682: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных

4–2 МИНА ЯКИМОВИЧ («Минка Якимов») 1654: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярина Никиты Ивановича Романова.

5–2 ФАДДЕЙ ЯКИМОВИЧ («Фадка Якимов») умер до 1744. 1677: дер. Бородино, крестьянин дворцовой Тургиновской волости Тверского уезда; с 1682: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных.

6–2 ФРОЛ ЯКИМОВИЧ («Фролко Якимов»).

1677: 15 лет, крестьянский сын, проживал с братом Фаддеем в дер. Бородино;

с 1682: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных.

7–2 ТИТ ЯКИМОВИЧ («Титко Якимов»).

1677: 10 лет, крестьянский сын, проживал с братом Фаддеем в дер. Бородино;

с 1682: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных

Там еще длинный список предков Путина (не берусь об этом факте судить), и все они числятся крестьянами Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича Апраксины. То есть, не жены, а матери Федора Матвеевича и, значит,

его сестры, супруги царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра Первого, Марфы Матвеевны. Но если в документах, где Домна Богдановна указывается женой Федора Матвеевича, она урожденная Хрущева, то в росписи родословной Путина она обозначена как Домна Богдановна Ловчикова. В родословной же росписи Апраксиных она записана как Хрущева (между прочим, Богдан Ловчиков существовал, и его в документах отыскать можно). В чем тут дело?

Поневоле вспоминается указ Екатерины Второй после гражданской казни помещицы Дарьи Николаевны Салтыковой, чьи сыновья по мужу приходились родней царице Прасковье Салтыковой, жены другого брата Петра Первого, Ивана, о запрете упоминать ее имя в каких-либо родословных. И не только не упоминали, но и так перепутали все записи, что и сейчас еле-еле концы с концами свести можно.

Выходит, что Домна Богдановна Хрущева была матерью русской царицы Марфы. Не удивительно, что Хрущевы, правнуки казненного Лжедмитрием Первым Петра Лукича, были при царском дворе в фаворе.

Федор (Меньшой) Григорьевич Хрущев, стряпчий; служил у стола государева в день приема Грузинского царевича (8 июля 1658); дворянин посольства на съезде с польскими комиссарами в Борисове (1660); спич о поражении поляков под Губаревым (3 окт. 1660); был при встрече английского посла (19 февраля 1664); стольник (1671); служил у стола государева (12 ноября 1671); воевода в Вязьме (1674–1675) и в Путивле (1677–1678); ездил за государем (1679); подписал уложение об уничтожении местничества (24 нояб. 1681); думный дворянин (с 10 апр. 1682); участник Троицкого, с государями, похода (1683). Член комиссии для составления нового Уложения (1700); пожалованы ему в вотчину поместья: Тульского (1669), Данковского (1677), Елецкого (1679), Московского (1683) и Веневского (1683) уездов.

Федор (Большой) Григорьевич Хрущев, стряпчий, был при встрече персидского посла (5 февраля 1639); ездил за государем (1651); служил у стола государева в день приема Грузинского царевича (6 июля 1658); дворянин посольства при съезде с польскими комиссарами в Борисове (1660); воевода в Ельце (1663); стольник (1665); был на службе в Смоленске (1665); воевода в Мангазее (1668–1669), Томске (1668–1669), Верхотурьи (1669–1672, 1673–1676) и Тобольске (1672–1673); пожаловано ему в вотчину поместье Данковского уезда (1677); разбирал ратных людей на Коломне (1678); в Калуге, Медыни, Перемышле и Воротынске (1679).

ХРУЩЕВЫ ОДНОГО РОДА С ОТРЕПЬЕВЫМИ

Да, род Хрущевых восходит к основоположнику рода Отрепьевых, Владиславу с Нилка Кащ-Неледзевскому, герба Правдзиц, «мужа знатного Короны Польския». Как и другие русские роды — Нелидовых, Соллогубов, Елагиных, Лутовиновых, Зеленцовых. Все они имеют один и тот же герб — Правдзиц.

В Польше герб этот известен с четырнадцатого века, с тех пор, как впервые им овладел основатель рода — Владислав с Нилка Кащ Неледзевский, который прибыл в Москву с князем литовским Дмитрием Ольгердовичем на помощь великому князю Димитрию Донскому против Мамаея в 1367 году и участвовал в Куликовской битве. Оставшись на службе у великого князя, он был пожалован селом Никольским с деревнями в Суходольском стане Боровского уезда, при перекрещении получил имя Владимира и стал называться Нелидовым. Герб же этот утвержден в 1351 году. То есть всего за 16 лет до похода, в котором участвовал Владислав Неледзевский.

Боровский уезд находится в Калужской области, где, как известно, был расположен лагерь Тушинского вора Лже-

дмитрия Второго (где его и убили). В XVII веке, при царе Алексее Михайловиче Романове, в эти места была сослана раскольница боярыня Морозова. Так Боровск и остался раскольничьим анклавом на несколько веков. А в 1896 году в этих местах родился будущий маршал Жуков, чья фамилия в польском варианте будет Хрущев. Тот самый маршал Жуков, который помог взять власть в кремле в 1954 году Никите Хрущеву, имеющему «особые приметы» Григория Отрепьева — знаменитые безобразные родинки — «бородавки на лице, низкий рост и квадратную без талии фигуру...».

КАКАЯ РОДНЯ — ОТРЕПЬЕВ И РОМАНОВЫ?

1

Теперь главное о Григории Отрепьеве. Русские историки тщательно скрывали, что он не только служил на дворе Никиты Романова, но и был его родственником. Вот, оказывается, в чем секрет благодеяний Романовых, которыми они осыпали род Нелидовых.

Как же было на самом деле? Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Согласно «Тысячной книге» 1550 года, на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятня». В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Григорий Отрепьев остался сиротой, воспитала его мать Варвара Отрепьева.

Царские историки старательно скрывали факт, что у Богдана Отрепьева была родная сестра Мария Ивановна,

вышедшая замуж за дворянина Ивана Васильевича Шестова, отца Марфы Шестовой-Романовой, жены Никиты Романова и матери первого Романова-царя, Михаила. Богатейшие Шестовы принадлежали к древнему боярскому роду Морозовых-Салтыковых. Понятно, почему один из Морозовых и один из Салтыковых были воспитателями детей царей-Романовых. Прасковья Салтыкова была женой царя Ивана Пятого и матерью троих его дочерей, одна из которых стала российской императрицей (Анна Иоанновна). Морозовы же триста лет боролись за власть в России, уйдя в Раскол.

Но вернемся к Марии Ивановне Отрепьевой-Шестовой — родной тетке Григория Отрепьева. Ее дочь — жена Федора Романова (Филарета) Марфа (до пострижения Ксения) — двоюродная сестра Григорию Отрепьеву. А ее сын — Михаил, первый царь из рода Романовых, — его двоюродный племянник.

За дочь Марии Ивановны Отрепьевой-Шестовой — Ксенией-Марфой — Федор Романов получил костромскую вотчину, богатейшее село Домнино. И вот сюда поступил на службу к двоюродному шурину Федору Романову Григорий Отрепьев. А затем переехал в Москву на подворье Романовых на Варварке. Отсюда начались его скитания по монастырям, пока он не попал в Чудов монастырь.

Это случилось после того, как род Романовых попал в опалу при Борисе Годунове. Уже в 1600 году Годунов сослал Федора Романова на воеводство в тульскую Епифань. Он был там всего полгода, а в ночь 26 октября 1600 года по приказу царя Бориса Годунова был разгромлен двор бояр Романовых на Варварке (произошло ожесточенное столкновение царских слуг и боярской дворни), и его обитатели были вскоре арестованы. Опалу на могущественных конкурентов Борис готовил давно, но непосредственным поводом для погрома послужил донос романовского холопа с нередким для того времени обвинением своих господ в колдовстве, хранении

«лихого зелья», с помощью которого бояре якобы планировали отравить государя. И произошло это именно после воеводства Романова в тульской Епифани.

К этому времени Тула уже стала центром заговора Романовых. Здесь побывали родственники и сторонники Федора Романова, Шаховской и Шереметев, его сподвижники, идеологи и организаторы Смуты. Именно в Туле завершилось сопротивление войска Болотникова, в лагере которого находился и Шаховской, придумавший к тому времени Лжедмитрия Второго, поскольку первый был уже убит. Но только для того, чтобы Смута разгорелась с новой силой. С тех пор Туле и сами Романовы не доверяли, и их преемники — советские лидеры, и первым из них о недоверии Туле заявил Ленин.

И в самом деле — мятежный регион, сам решает, кого впустить, кого выпустить. Очень не любили здесь золотоордынцев, которые организовали Тулу как «кустовую инспекцию по сбору налогов». В Смуту пустили в Кремль Болотникова (потом сами же и предали его). В 1905-м продвигали революцию. В Гражданскую не пустили к Москве Деникина. В 41-м отбили от московских рубежей гитлеровцев. В 1960-е бунтовали против Никиты Хрущева, в 1991-м с упоением свергали советскую власть...

2

Как только Годунов разгромил двор Романовых, двоюродный шурин Федора Романова Григорий Отрепьев бежал и постригся в монахи-чернецы. Какое-то время он скитался по монастырям, где его с готовностью прятали, потому что как родственнику Романовых ему грозила казнь. Но вскоре пришел ... в Кремль, поселился в Чудовом монастыре. И не у чужих людей, а в келье Григория Елизария Замятны (внука Третьяка Отрепьева из калужского Боровска). До очередного

побега из Москвы Григорий провел в Чудовом монастыре около года. Но в келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По его представлению Григорий был рукоположен патриархом Иовом в дьяконы. А вскоре Иов и вовсе приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное, как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Prestиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере «виноват» Карамзин. Впрочем, он всего лишь изложил официальную версию Романовых. Увы, эту позицию на века «закрепил» А. С. Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов», которую и начал писать под влиянием выпущенной в свет «Истории государства Российского» Николая Карамзина, еще будучи в ссылке в Михайловском, в преддверии восстания декабристов.

Сейчас появились материалы о том, что такое произошло лишь благодаря цензуре Жуковского, который, готовя текст к публикации в 1830 году, выкинул сцену «Ограда монастырская».

Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то

важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела особое значение. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации Смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца? Опубликована эта сцена была лишь в 1833 году в немецком журнале, издававшемся в Дерпте. А поставили пьесу в России впервые вообще только в 1870 году.

Была ли такая публикация или нет, но до советского читателя она не дошла, и самозванство Гришки Отрепьева так и оставалось в отечественной литературе и истории как самостоятельно предпринятая им афера. И мы все в это верили!

А теперь любое иное толкование событий, даже самое реалистичное для того времени, для нашего будет казаться фантастическими выдумками.

КАК ИВАН ГРОЗНЫЙ ПРЕСЕКАЛ ДИНАСТИЮ РЮРИКОВ

1

Патриоты законной власти Годунова и Шуйского Хрущевы не могли не негодовать на все возрастающее состояние и влияние своих соседей Сухотиных, которых считали предателями, служивших Лжедмитрию. И по этому поводу один из них описывал в доносе «подвиги» Федора Сухотина, активнейшего участника политических событий Смутного времени, называя весь род Сухотиных «воровским заводом». И главой его он ставит Федора Сухотина, который служил не только Болотникову, но и Лжедмитрию Второму и «царевичу» Петру (Федоровичу) (был еще один самозванец во времена Смуты, якобы подмененный на дочь сын царя Федора Иоанновича от Ксении Годуновой).

Судя по тексту памфлета, Федор Сухотин был одним из руководителей той группировки южных служилых людей, которые примкнули к движению Ивана Болотникова, а затем перешли к «тушинскому вору» — Лжедмитрию Второму. Но Федор Сухотин и его сторонники не только присоединились к ставленнику донских и волжских казаков, «царевичу» Петру, когда он пришел в Путивль, но и, по словам автора памфлета, «многих людей ко кресту приводили», то есть приводили давать присягу новому «царю», тем самым провоцировали народ отступить от законной власти Василия Шуйского.

Во время этих событий Федор Сухотин еще успевал пограбить помещиков и присвоить себе их имущество и поместья.

За заслуги перед князем Телятевским, Болотниковым и «царем» Петром Федор Сухотин садится воеводой в Веневе (1607 год). Там его берут в плен войска Василия Шуйского и пытаются «на березе» так, что он обещает убить Лжедмитрия Второго. Его отпускают в стан к Тушинскому вору, и он тут же перебегает к нему и получает поместье в Веневе (1610 год).

Но тут в Рязани Прокопий Ляпунов создает Первое ополчение, и Сухотин уже в Рязани. Он отличился разбоем и на Рязанской земле. «... Степанову жену Ляпунова, привезав к ней двое детей, посадил в воду...», как следует из доноса Хрущева.

Это была родственница Прокопия Ляпунова, который сражался против Лжедмитрия Второго.

Сохранилась ввозная грамота от 4 марта 1611 года, выданная руководителями первого ополчения (в частности, Прокопием Ляпуновым) Остафию и Михаилу Крюковым и Семену Зыбину на поместье в Веневском уезде, ранее пожалованное «в Калуге» (т. е. Лжедмитрием II) Федору Сухотину. В грамоте местным крестьянам наказывалось

Федора Сухотина «ни в чем не слушать, и с того поместья его вон выслать».

Но в это время Сухотин уже бежал под Москву, а Прокопий Ляпунов погибает от рук казаков.

И вот что интересно: автор доноса Хрущев так и не понял, почему род Сухотиных не только не был наказан за все его злодеяния во время Смуты, но и был вознагражден гораздо больше, чем пострадавший род Хрущевых, представитель которого, Петр Хрущев, обличив в Путивле Лжедмитрия Первого, был казнен. А Федор Сухотин, казнивший дворян, в том числе, утопивший родственницу Прокопия Ляпунова, главы Первого ополчения, с ее двумя маленькими детьми, не понес никакого наказания.

Хрущев как-то упускает тот факт, что в это же время вместе с Лжедмитрием Первым, а затем в Тушинском лагере находился и Филарет Романов, отец будущего царя, принявший сначала сан митрополита Ростовского от Лжедмитрия Первого, а затем — от Лжедмитрия Второго — сан Патриарха. И в этом все дело.

Долгое время и в романовской, и в советской историографии Смутное время объясняли стечением обстоятельств, сложившихся в конце XVI — начале XVII веков. Были названы герои этого времени, в том числе Прокопий Ляпунов, о котором написал в своих воспоминаниях сам Филарет Романов, а на основании этих записок обозначил Прокопия Ляпунова героем и Николай Карамзин.

Но не были названы истинные зачинщики Смуты, которая окончательно прервала восьмисотлетнее правление в России династии Рюриковичей и открыла дорогу на триста лет новой династии — Романовых. Сегодня роль каждого из истинных «авторов» Смутного времени проясняется все больше. И открываются вещи поистине удивительные...

2

Смута случилась в результате борьбы за власть пяти бояр, оставшихся править после смерти бездетного сына Ивана Грозного — царя Федора Иоанновича. Карамзин назвал это сообщество пентархией. В него входили Никита Романов-Захарьин, Богдан Бельский, Иван Шуйский, Борис Годунов и Федор Мстиславский. Каждый из пятерых имел твердые намерения стать царем.

Среди них только один представлял династию Рюриковичей — Иван Шуйский. Так что и в Смутное время тянулась еще тонкая ниточка к старой династии. Но укрепить себя она не могла бы уже потому, что уничтожить ее начал сам Иван Грозный, развязавший с помощью Опричнины настоящую войну против старинного русского боярства.

Зачем он это сделал? Чтобы преодолеть княжеское устройство государства Московии и заменить его на единую державную Россию. Говоря современным языком, Иван Грозный делал все, чтобы преодолеть княжескую удельную «конфедеративность» древнего государства и заменить ее на объединенное и под единым — царским — правлением.

Еще на рубеже XV–XVI веков вопрос о титуле главы Русского государства приобрёл особую остроту, что было связано с характером конфронтационных русско-литовских и русско-польских отношений. В Великом княжестве Литовском и Польском королевстве упорно сопротивлялись признанию за великими князьями московскими титула царя, первые претензии на который датируются уже эпохой Ивана III. Не менее острые возражения и опасения вызывала претензионная приставка «всея Руси». Поэтому польские и литовские деятели старались вообще избегать слова Россия и упорно продолжали называть соперничающее с ними государство на востоке исключительно

Московским государством, распространяя заодно в Западной Европе термин Московия. Интересно, что сегодня, в начале XXI века, спустя пятьсот лет, американский президент Барак Обама, подчеркивая конфронтацию Америки и Европы с Россией, применил уничижающий Россию термин — «региональное государство». Вот как соперничество может довести до средневековых приемов в современном политическом и экономическом противостоянии. И, как и в XV–XVI веках, внутренняя оппозиция, наподобие боярской и княжеской, поддерживает этот остракизм конкурирующей страны. Что делает понятнее те жестокие приемы, которые использовал в борьбе с внутренней оппозицией Иван Грозный.

Наряду с репрессиями он развернул широкую идеологическую борьбу за узаконивание нового титула «Московии» и ее властителей. Так в ряду идеологических основ провозглашения Русского государства царством стало послание Василию III монаха псковского Елиазарова монастыря Филофея, выдвинувшего известный тезис «Москва — третий Рим». В основе концепции Филофея лежало представление о некоем «Ромейском царстве нерушимом»: крушение двух царств, Римской империи и Византии, расчистило место для московского православного царства.

Были утверждены новые символы государства: еще после женитьбы Ивана III на Софии Палеолог, наследнице последнего византийского императора, московский двор заимствовал византийские традиции, ритуалы, титулы и символы, такие как двуглавый орёл, изображённый на гербе России.

К середине XVI века правитель Русского государства стал сильным самодержцем — царём. Принятием этого титула Иван IV подчеркнул, что является главным и единственным правителем России, равным византийским императорам или монгольским ханам.

3

Но не только идеологией и символами подтверждал свое царское звание Иван IV. Политические и экономические реформы, внешняя политика развивались стремительно. Уже в начале своего правления он провёл значительные реформы, направленные на укрепление порядка в стране. Был издан новый Судебник, регулирующий административные и военные дела, на фоне непрерывных войн, которые вело русское государство. При Иване IV России удалось существенно расширить свои владения. В результате похода на Казань и её взятия в 1552 году она обрела среднее Поволжье, а в 1556-м со взятием Астрахани — нижнее Поволжье и выход к Каспийскому морю, что открывало новые торговые возможности с Персией, Кавказом и Средней Азией. Одновременно было разорвано стеснявшее Русь кольцо из враждебных татарских ханств, открылась дорога в Сибирь.

Желая освободиться от ливонского и шведского контроля торговых путей на балтийском направлении, связывавших Русь с Европой, Иван IV начал Ливонскую войну. Её начало на дальнем западном направлении — на Балтике и в Литве — протекало для Москвы весьма успешно.

Однако в 1569 году Литва, опасаясь поглощения Россией, вступила в унию (Люблинская уния) с Польшей, создав единое государство — Речь Посполитую. Польша в это время оказала неоценимую помощь Литве, не дав ей раствориться внутри царской России в XVI веке.

Это очень похоже на сегодняшнюю ситуацию с Украиной, которая, отрываясь от славянского мира, всеми силами устремилась в Европу, настояв на подписании документов о вхождении в Евросоюз. Но история уже давно показала: такие союзы недолговечны и распадаются. Потому что каждое государство в них старается тянуть одеяло на себя, на первый план все равно выходят узконациональные интересы.

Однако вследствие Люблинской унии силы противников возросли, и Россия ожидать победы на этом фронте уже не могла.

Враги наступали и на южном направлении — в 1569 году был отражён турецко-крымский поход под Астрахань, но в 1571 году крымскому хану удалось сжечь Москву, нанеся колоссальный ущерб. Повторный завоевательный поход крымцев и турок, поставивший острый вопрос о независимости Руси, был отбит в следующем году в битве при Молодях. Помимо войны против всех, Русское царство было ослаблено эпидемиями, а также внутренними распрями «пятой колонны» — нелояльных царской власти бояр.

Ливонская война тем временем пришла из Балтики и Литвы на русскую землю. Лишь отчаянная оборона Пскова от войск Стефана Батория, короля польского и великого князя литовского, позволила заключить в 1582 году худой мир.

Ливонская война длилась 25 лет, и Россия ее проиграла. Ей не удалось пробиться к Балтийскому морю. Она закончилась подписанием Ям-Запольского (1582 год) и Плюсского (1583 год) перемирий. Страна лишалась всех завоеваний, сделанных в результате войны, а также земель на границе с Речью Посполитой и приморских балтийских городов (Копорья, Яма, Ивангорода). Территория бывшей Ливонской конфедерации оказалась разделена между Речью Посполитой, Швецией и Данией. В результате её закончил своё существование Ливонский орден, война способствовала образованию Речи Посполитой, а Русское царство привела к экономическому упадку.

За прочный выход к Балтийскому морю России суждено было бороться ещё более века. Торговые отношения с Англией и Голландией все-таки осуществлялись на территории России — через новооснованный порт Архангельск.

Он был основан по указу Ивана Грозного в 1584 году вблизи Михайло-Архангельского монастыря (отсюда название города), незадолго перед его смертью.

КАК УНИЧТОЖАЛАСЬ ДИНАСТИЯ РЮРИКОВ ПОСЛЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

1

Иван Грозный умер, не оставив наследника. В истории России закрепился этот факт, как и убийственная характеристика царя Федора Иоанновича, сына Ивана IV, нерешительно-го и слабоумного правителя. Потому якобы и назначил при нем царь Иван пятиголовую боярскую думу, чтобы правила. А правил-то на самом деле один Борис Годунов, брат жены Федора Иоанновича.

Но почему-то кажется, что не все тут правда.

Начнем с того, что Иван Грозный после смерти сына Ивана назначил своим наследником Федора. Правил Федор Иоаннович четырнадцать лет. Это немалый срок, который историки пренебрежительно называют «несколько лет». Конечно, это не 37 лет, которые властвовал его отец. Но Иван IV, сделавший много для создания государства российского, после своей смерти все-таки оставил ему тяжелые проблемы. Особенно после проигранной двадцатипятилетней Ливонской войны. Как же они решались при Федоре Иоанновиче? Очень положительно.

Прежде всего Федор Иоаннович еще более укрепил независимость государства российским патриаршеством, чего русская церковь добивалась с середины XV века. В результате долгих переговоров с Греческой православной церковью, изощренными дипломатическими ходами в 1589 году на церковном Соборе первым московским патриархом был провозглашен Иов. Учреждение патриаршества делало русскую православную церковь юридически независимой от константинопольского патриарха.

А через год Россия начала русско-шведскую войну, 35-тысячное войско на врага повел сам Федор Иоаннович. Он не

только преодолел расстояние в 800 километров в походных условиях, но и победил в первых сражениях шведов, принудив их к перемирию. В этих боях участвовал и Лука Хрущев, отец убитого в Путивле в 1604 году Петра Хрущева.

После этой русско-шведской войны 1590–1593 годов по Тязвинскому миру 1595 года Россия получила города и районы Новгородской области, захваченные во время Ливонской войны Швецией, — Ям, Ивангород, Копорье, Корелу.

Позже была окончательно присоединена Западная Сибирь, успешно осваивались южные пограничные районы и Поволжье, усилилась роль России на Северном Кавказе и в Закавказье.

Внешней политикой России в то время занимался Борис Годунов. И даже английская королева, говорят, отмечала его дипломатический талант. Но верно и то, что все вопросы Федор Иоаннович решал не лично с ним, а, как свидетельствуют летописи, на совещаниях с боярами, а потом — в узком кругу пентархии.

Сегодня трудно понять, насколько Федор Иоаннович был самостоятелен в своих решениях. Но все очевиднее становится при изучении документов о нем их предвзятость или даже прямая злонамеренность в клевете. Возьмем один факт, свидетельствующий о его характере и психологическом состоянии, — стремление к Богу. Летописи нам оставили характеристику царя Федора-богомольца как «доказательство» его мягкотелости и неспособности править государством. Но ведь его приверженность к Богу наверняка и сыграла главную роль в том, что русская православная церковь стала самостоятельной, приобретя собственное патриаршество. Именно при Федоре Россия сделал такой решительный шаг к духовной и политической, конечно же, независимости.

Сомневаться в единоличном правлении Годунова при Федоре Иоанновиче заставляет тот факт, что практически

сразу же после смерти царя дела у него пошли совсем худо. Являясь мастером международных дел России, он не смог справиться с ее внутренними проблемами и самыми страшными врагами — коррупцией и голодом. Свидетели того страшного времени — 1601–1603 годов — говорят как раз об отсутствии каких-либо мудрых царских решений по этому вопросу, который стоил престола и самой жизни и Борису, и его сыну.

2

И все-таки, если учитывать близкое родство Отрепьева и Романовых, можно и предположить, что Григорий мог в самом деле покуситься на власть самостоятельно, но уже после того, как сел на российский престол в результате заговора группировки Романовых и церкви. И еще можно предположить, что держали его церковники в Кремле не зря — видимо, государственный переворот готовился ими уже в 1601 году. И Годунов об этом знал — именно на это время приходится начало его жестких репрессий против тех, о ком ему было доложено по многочисленным наветам. По всей видимости, положение было настолько серьезным, что Борис в какой-то момент даже растерялся, не понимая, на кого ему можно в это время опереться, и упустил управление. В стране произошла страшная трагедия — голод, который Борис не мог преодолеть.

Да, в том году наступила ранняя зима — в августе ударили 25-градусные морозы, урожая не случилось ни в этом, ни в следующем году — потому что не убрали и на семена. Но, по свидетельству очевидцев, которые оставили свои воспоминания, «...запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года... у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего

лежания, и они не хотели продавать его; и по воле божией царь был так ослеплён, невзирая на то, что он мог приказать все, что хотел, он не повелел самым строжайшим образом, чтобы каждый продавал свой хлеб».

Богатые землевладельцы действительно придерживали у себя зерно, вместо того чтобы его продавать, — в расчёте на то, что цены на хлеб вырастут, и зерно удастся продать дороже. А что сделал Годунов? Он открыл государственные житницы, раздавал деньги бедным, но ничего не предпринял для изымания запасов хлеба у князей и бояр. Почему? Видимо, потому, что боялся поспорить с ними и потерять последнюю опору.

Видя, что в государстве и без их заговора началось все-ленское бедствие, церковники, может быть, изменили планы по самозванству? И отослали Григория Отрепьева восвояси туда, где было свито настоящее гнездо государственного заговора — на границу России и Польши. В Путивль. Там в это время уже сидел Шаховской и плел задуманную интригу против Бориса. Но только ли против него одного?

Понятно, что и церковь, и Шаховской, и Шереметев, и Отрепьев, да вся обширная родня Романовых, преследовали свои цели захватить престол. Но с ними тут конкурировали и Василий Шуйский, и Мстиславский, и Бельский, и поляки, и шведы, которых в разгар гражданской войны все они по очереди приглашали на помощь.

Но почему все-таки очередь Романовых на трон подошла последней и только через двенадцать лет кровавой Смуты? Наверное, дело в том, что Захарьины не были особенно любимы и желанны на троне еще сразу после смерти Федора Иоанновича. Иначе еще в 1598-м новая династия могла бы состояться.

Иван Грозный любил свою жену Анастасию Захарьину (Романову), с которой они поженились практически детьми. И, как считают некоторые историки, не без содействия

отца Анастасии, который одно время был у юного Ивана опекуном. Они прожили с ней в браке до ее смерти тринадцать лет. Каждые два года она рожала. Но дети почему-то умирали в младенчестве. Первый наследник — Дмитрий — был случайно утоплен нянькой в годовалом возрасте, другой наследник, Иван, в зрелых годах погиб при странных обстоятельствах. Даже три девочки умерли в младенчестве. В живых из детей Анастасии — Романовых (Захарьиных-Юрьевых) — остался только Федор. Да и то, наверное, только потому, что был слаб здоровьем и была надежда у кого-то, что долго не проживет.

Впрочем, и последний наследник Ивана IV, от Нагих, — отрок Дмитрий — тоже оказался лишним и погиб.

Не нужны были на престоле дети Ивана Грозного как представители изжившей себя междоусобицами, разваливающей государство Российское династии Рюриков. Сам же Иван положил начало истреблению этого рода опричниной.

Но не потому ли озлобленные бояре и историки того времени и пустили на века по свету гулять сплетню о том, что Иван Грозный сам убил в гневе своего сына Ивана, наследника престола? И байка эта стала «историческим» фактом, внесенным в учебники истории как при Романовых, так и при Советах, и благополучно дожила до наших дней. А вот роль злыдней-бояр в гибели семерых детей Ивана IV так и осталась нераскрытой. Кроме смерти младшего царевича Дмитрия, которая, впрочем, была абсолютно политизирована, в том числе и русской церковью, и осталась тайной.

3

Пентархия после смерти грозного царя и решала судьбу новой династии с помощью интриг и кровавых распрей. Все теми же приемами, какими решали судьбу страны князья старинных родов, воюя между собой без конца. Против этих

бунтов Иван Грозный «выставил» один большой — опрочнину. Значит, Романовы, понимая, что никакими уговорами и договорами не совладают с этой многовековой междоусобицей Рюриковичей, решили противопоставить всем их бунтам один большой — Смуту.

Борис Годунов не дал появиться на свет наследникам Федора Иоанновича и не позволил иметь наследников Василию Шуйскому и Мстиславскому. Последним он просто запретил жениться. А что касается жены Федора, сестры Годунова, Ирины, то, вполне возможно, она была в заговоре с братом, и сама не хотела рожать. Потому что не была больна, и одного ребенка — девочку — все-таки родила, хотя и скончалась та вскоре после рождения. Остальные многие беременности царицы по каким-то причинам прерывались.

Но за династию Рюриков решили побороться Шуйские, будучи сами из этого царского рода. И потребовали, чтобы Федор развелся с бездетной Ириной и женился на другой, дабы иметь наследников. Федор отказался.

Однако попытку продлить царство Рюриков на русском троне сделал Василий Шуйский, который убил Лжедмитрия Первого и занял его место на троне с 1606 по 1610 годы. Он даже успел жениться и одну за одной родить на свет двух дочек. Кроме того, у него был родной племянник — замечательный герой — генерал, двадцатипятилетний Скопин-Шуйский, который разгромил армию Болотникова. Увы, и малютки, и славный воин из Рюриковичей внезапно умерли в одно и то же время. Сам же Шуйский был свергнут боярами, насильно пострижен в монахи и отправился в польский плен, где и умер.

Вообще борьба за русский трон и смену династии Рюриковичей на династию Романовых обагрилась детской кровью.

Хотя в русской истории широко известен только один погибший (скорее всего, от рук пентархии) — младший сын Ивана Грозного, царевич Димитрий. На самом деле только у Ивана

Грозного в младенчестве умерли шестеро детей и Иван Иванович в зрелом возрасте по до сих пор неустановленным причинам. Далее у его сына Федора Иоанновича родилась одна дочь и умерла в младенчестве. Четверо детей Федора Романова умерли в малолетстве от лишений и голода, когда их отца, мать и родственников репрессировал Борис Годунов. У самого Годунова был убит сын Федор. У Федора Мстиславского умерла в младенчестве дочь. У Василия Шуйского умерли две новорожденные царевны. И, наконец, в трехлетнем возрасте был повешен сын Марины Мнишек, которая официально числилась российской царицей. Всего 17 детей — тех, чьи родители в конце XVI — начале XVII веков сидели на русском престоле, претендовали на него или эти дети сами могли быть посажены на русский трон.

Примечательно то, что за новую династию в России бо­ролись уже не Захарьины, а Романовы. Эта династия не случайно, я думаю, остановилась на такой фамилии из четырех ей принадлежащих — Кобыла, Кошкин, Захарьин и Романов. Ну как неблагозвучен был бы русский царь Кобыла или Кошкин! Да и кто такой Захарьин? Тем более, что Захарьиных не любили ни бояре, ни народ. А вот Романовы — совсем другое дело. Не только благозвучно, но еще и с большим-большим значением — похоже на слово Рим, по латыни так и звучит — Рома. Вполне соответствует главной идеологии того времени: Москва — третий Рим.

В СМУТНОЕ ВРЕМЯ МНОГИЕ ПРЕДАВАЛИ

1

Но только не Хрущевы. Так они считали. Один из Хрущевых участвовал в русско-шведской войне командующим в царствование Федора Иоанновича, когда тот лично возглавил 35-тысячное русское войско. Другие служили послами

в Польше и в Крыму. Но все дело было в том, что служить кому-то во время Смуты — вовсе не значило не предавать. Петр Хрущев был предан Борису Годунову, но, поехав в Путивль обличать Григория Отрепьева, действовал против группировки Романовых, а, значит, предавал интересы будущего первого представителя новой династии Романовых.

Верный своему долгу Петр Хрущев отправился по распоряжению Бориса Годунова в стан врага для разоблачения расстриги. Он был казнен в Путивле в 1605 году. А кто находился там тогда вместе с Григорием Отрепьевым и рассылал письма по всей России, призывая признать «воскресшего» царевича и идти за него сражаться с Годуновым и боярами?

Князь Григорий Петрович Шаховской, который в 1596 году сидел воеводой в Туле, куда через четыре года приехал воеводой в Епифань его родственник Федор Романов. В 1605 году Григорий Шаховской перешел на сторону Лжедмитрия I. На самом деле, он и не был никогда на «другой» стороне — поскольку Лжедмитрий — это «порождение» пентархии, то есть и Романовых, и Шуйских, и Мстиславского. В стороне от этого «порождения» был только Борис Годунов, поскольку уже сидел на троне. Будучи воеводой в Путивле, Шаховской поднял восстание против царя Василия Ивановича Шуйского, а затем вступил в ополчение Ляпунова и участвовал в освобождении Москвы от поляков.

Другой родственник Романова, Петр Никитич Шереметев действовал в это время в центре России, вел разведывательную деятельность и сообщал подробности о событиях в Путивль.

После пыток и допросов Петра Хрущева казнили в Путивле. А Лжедмитрий — Отрепьев оправился воцаряться на русский престол в Москву.

Хрущевы не могли забыть этой казни. Все представители рода тяжело переживали ее. Но главное, что их печалило — возвышение тех, кто служил обоим Лжедмитриям, участвовал в восстании Болотникова. Они не могли спокойно выносить этой несправедливости, и вот на свет появился донос, в котором был крик души хрущевского рода: да где же правда на Руси? Они, веками преданно служившие законным царям, не поднялись так высоко, как те, кто этих царей запросто предавал во времена Смуты.

Здесь уже рассказано, что род Хрущевых был замечен и являлся старинным русским дворянским родом, ведущим свое происхождение от Ивана Ивановича Хруща, выехавшего из Польши в Москву в 1493 году, принявшего православие и наименованного Хрущевым. Из восьми его сыновей, помещиков Тульского, Тарусского и Московского уездов, известен Лука Иванович, отец казненного Петра Лукича. Он был черниговским головой и воеводой-участником нескольких походов. Но известен стал тем, что записал в 1547 году речь Иоанна Грозного, произнесенную с Лобного места к народу. Лука Хрущев этим самым вошел в историю России.

Эта речь, вошедшая в так называемый Хрущевский список Степенной книги, сегодня рассматривается как памятник русской публицистики. В этом рассказе изображается молодой царь Иван IV, обращающийся с Лобного места к собравшим на Красную площадь со всего государства людям «всякого чина» с речью, в которой он слезно умоляет их оставить вражду между собой, кается в своем былом легкомыслии и обещает впредь наказывать неправедных лихоимцев и сребролюбцев, расхищающих казну и отягощающих своей алчностью народ. Затем царь жалует чином человека незнатного — А. Адашева, поручая ему принимать и разбирать челобитные «у бедных и обидимых».

Автор доноса на Сухотина мог бы с таким же «успехом» написать извет на князей Шереметевых, на Годунова, на Шуйского, да хотя бы на самого Федора Романова или на церковников, которые никогда почему-то не думали оспаривать те церковные должности, которые последний получил от двух Лжедмитриев — сан митрополита Ростовского и сан патриарха, которым он так и остался до самой своей смерти, даже будучи в польском плену.

Ведь очень выверенное политическое решение было принято Федором Романовым, взявшим эти церковные должности и возглавившим русскую церковь, ставшим во главе всей идеологической и организационной работы во время борьбы за власть.

Неужели через семьдесят лет после Смуты «изветчик» Хрущев не понимал, кто был истинным ее «автором»?

А, может быть, род Хрущевых вообще отличался тем, что любил служить, красочно высказываться, но глубоко не размышлять и, главное, глубоко скрывать свои истинные мысли и намерения?

У меня лично возникает ассоциация с советским царем Никитой Хрущевым, который с трибуны Кремля, рядом с тем самым лобным местом, произносит свои пламенные речи в защиту сырых и убогих — крестьян и пролетариата. Но уже всего мира. Хрущев в XVI веке записывал речь царя, а Хрущев в XX веке сам произносил их как царь. Известно, каким красноречием отличался лидер СССР, он умел зажигать массы, это правда. Уже одно это совпадение с представителями рода Хрущевых — владение ораторским искусством и публицистикой — должно было бы привлечь внимание историков. Не привлекло.

Но ведь Хрущевы были политическими и государственными деятелями. Они активно участвовали в борьбе

различных партий за русский престол, а потом еще и писали доносы... И даже наиболее вероятное происхождение Никиты Хрущева из поляков, о котором откровенно высказывалась его жена Нина Петровна уже в преклонном возрасте, упоминая, что они оба выходцы из польской Холмщины, а не с Украины, как это было принято думать в СССР — не заинтересовало историков!

И еще одна яркая черта Никиты Хрущева, наводящая на определенные ассоциации, — лютая ненависть к Романовым...

Но есть и другие сходства. Хрущевы были плохими хозяйственниками и никак не могли разбогатеть, даже имея поместья на плодороднейших пойменных землях. И триста лет спустя (!) традиция одичалости и запустения сохранилась в здешних местах.

«В пятидесятые годы прошлого века население здешних деревень было завшивленным, неухоженным, достаточно грубым и даже диким. Люди жили в покосившихся избенках (может, и времен самого Хрущева), всей семьей ели из одной чашки за обедом и ужином, спали на полатах и часто голодали, несмотря на плодородные земли вокруг. Но они были колхозными, а брат самовольно картошку, капусту и морковку из гуртов было чревато даже для местных, которые запросто могли получить хорошего кнута от свирепого верхового надсмотрщика (где только таких находили в советское время — настоящие малюты!). Это было уже в конце шестидесятых годов прошлого века. И были даже избы с земляными полами, в которых топили по-черному! А иные семьи даже жили в землянках — не потому, что их дома разбомбили немцы, именно здесь боев не было, а потому, что лень было строиться. Я какое-то время жила в этих местах в раннем детстве с матерью в семье отчима и едва была не уморена настоящим голодом и заразными болезнями. Меня спасла моя бабушка, которая забрала меня из этого ада и увезла с собой в соседний рабочий поселок, где и выходила меня с огромным трудом».

Конечно, связь Никиты Сергеевича с родом Хрущовых сомнительна. Но Хрущовы, действительно, были разные.

Был, например, еще один Хрущов — Михаил Семенович — который в отличие от Андрея Федоровича Хрущова, традиционно вместе с Волынским приписываемого к «русской партии», принадлежал к партии их противников и проходил по восшествию на трон Елизаветы Петровны по делу Остермана.

Манштейн в своих известных «Записках о России» охарактеризовал это «дело» так: *«В сущности преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности. Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху».*

Михаил Семенович Хрущов в 1740 году был генерал-лейтенантом и сенатором, в 1741 — управляющим Ладужским каналом. *«В связи с причастностью к делу А. И. Остермана 22 января 1742 Генеральным судом приговорен к разжалованию в генерал-майоры и направлению к дальней команде. 22 апреля того же года восстановлен в чине генерал-лейтенанта. 13 сентября 1742 направлен в действующую армию в Финляндию. 5 октября 1743 назначен для проведения ревизии населения в Московской губернии. 25 июля 1744 пожалован шпагой с бриллиантами. Ум. до 1757 г.»* [Серов Д. Администрация Петра I. М., 2007].

Но в 1740 году сам генерал-лейтенант Михаил Хрущов вместе с другими сенаторами — Алексеем Нарышкиным (зятем Волынского), Василием Новосильцевым, Иваном Бахметевым, Никитой Румянцевым, Михаилом Филозовым и Петром Шиповым под командой генерал-аншефов Чернышева и Ушакова принял участие «в этом кровавом судилище», по выражению князя Петра Долгорукова, над Волынским, Еропкиным, Хрущовым...

А вот мнение об этом деле императрицы Екатерины: *«Сыну моему и всем моим потомкам, — писала Екатерина II в 1765 году по внимательном прочтении «дела» о Волынском, — советую и поставляю читать сие Волынского дело, от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера в производстве дел. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемию Волынскому приказывала (приказала) сочинить проект о поправлении внутренних государственных дел, который он и сочинил, и ей подал. Но, напротив того, его злодеи, и кому его проект не понравился, из того сочинения вытянули за волосы, так сказать, и взвели на Волынского изменнический умысел, и будто он себе присвоить хотел власть государя, чего отнюдь на деле не доказано. Еще из сего дела видно, сколь мало положиться можно на пыточные речи; ибо до пыток все сии несчастные утверждали невинность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи их хотели. Странно, как роду человеческому пришло на ум лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодною кровию; всякий пытанный в горячке и сам уже не знает, что говорит. И так отдаю на рассуждение всякому, имеющему чуть разум, можно ли верить пыточным речам и на то с доброю совестью полагаться. Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменил: но напротив того — добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества, и так смертную казнь*

терпел, быв невинен, и хотя б он и заподлинно произносил те слова в нареkanie особы императрицы Анны, о которых в деле упомянуто, то б она, быв государыня целомудрая, имела случай показать, сколь должно уничтожить подобные малости, которые у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни в чем ее персональные качества.

Всякий государь имеет неисчисленные кроткие способы к удержанию в почтении своих подданных: если б Волинский при мне был, и я бы усмотрела его способность в делах государственных и некоторое непочтение ко мне, я бы старалась всякими, для него неогорчительными, способами, его привести на путь истинный. А если б я увидела, что он неспособен к делам, я б ему сказала или дала уразуметь, не огорчая же его: будь счастлив и доволен, а ты мне не надобен.

Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены. Изволь мериться по сей аршин! А если кто из вас, мои дражайшие потомки, сии наставления прочтет с уничтожением (с пренебрежением и несогласием — Ред.), так ему более в свете, и особливо в Российском, счастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина».

Но, тем не менее (читаем далее «Записки князя Петра Долгорукова»): **«В пятницу, 20 июня, кровавое судилище собралось на свое одно-единственное заседание. Обязанности секретаря исполнялись родственником одного из обвиняемых, Хрущевым, ассессором страшной Тайной канцелярии. Генерал-прокурор, князь Никита Трубецкой, предложил вынести своим бывшим сообвиняемым страшный приговор: он предложил приговорить де Ла Сюда к обезглавливанию; Эйхлера — к колесованию; Мусина-Пушкина, Соимонова, Еропкина и Хрущева — к четвертованию; Волинского — посадить живьем на кол, с предварительным урезанием языка; наконец, детей Волинского (абсолютно безвинных**

в этом деле) приговорить к пожизненной ссылке в Сибирь и конфисковать все имущество обвиняемых, а также и имущество, принадлежащее их семьям.

Трибунал единодушно высказался за этот жестокий приговор... В его составе были родственники, друзья обвиняемых, два зятя Волынского; но ужас, витавший над русским обществом, был столь силен, что не только не прозвучал ни один голос несогласия, никто даже не посмел выразить ни малейшего сомнения!». И среди этих судей снова был генерал Хрущов.

И не один — к этому «семейному» списку можно добавить еще два имени тех, кто в казематах Тайной канцелярии каленым железом выжигал из своих жертв признание в инакомыслии по отношению к существующей власти.

Первым был уже названный выше *Хрущов Михаил Никитич*, ассессор, затем обер-секретарь Главной розыскных дел канцелярии при упр. гр. А. И. Шувалова с 13 февр. 1754 г.; служил в Тайной канцелярии с 1732 г. по секретным делам; р. 1714, † при Ек. II. {Половцов}. Точнее, умер в мае 1771 года, когда Петр Федорович Хрущов совершал свое историческое бегство с Камчатки.

«И по определениям Тайной канцелярии произвож[д]ен в прошлом 739-м году подканцеляристом, в 741-м — канцеляристом, в 743-м году сентября 6-го дня — протоколистом. Да по высочайшим имянным Ея Императорскаго Величества указом пожалован в 749-м августа 29 секретарем, а сего 754-го годов февраля 13 чисел — обер-секретарем.

А от роду ему, Хрущову, четыре десятой год. Мужеска полу детей у него, Хрущова, не имеется. Ис помещин он в Таруском уезде. И мужеска полу душ людей и крест[ь]ян имеетца за ним не в разделе з братом ево, Главной полиции секретарем Федором Хрущовым — тритцать три души» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/102. Д. 8122. Ч. 2. Лл. 511–512).

Другим был его родной брат **Федор Никитич Хрущов** (31 мая 1706–12 октября 1768).

«Секретарь Федор Никитин сын Хрущов. В прошлом 1721-м году генваря 28 дня по указу из Московской губернской канцелярии из дворян определен в Серпуховскую канцелярию молодым подьячим. В том же году октября 17 дня определен в приказ Большого дворца молодым же подьячим. И был по сентябрь месяц 1722-го году.

А того сентября 4 дня по указу из Сената взят к делам в московскую полицию, в которой был копи[и]стом, подканцеляристом и канцеляристом. В 729-м году в августе месяце по указу из высокого Сената определен в команду генерала-майора Максима Тимофеева сына Грекова в Переславль-Рязанской для следствия про рязанского архиепископа Гавриила. А по окончании того следствия и по отдаче в Святейшем Правительствующем Синоде дел в 730-м году определен по-прежнему в московскую полицию тем же чином, канцеляристом. В 1742-м году генваря 9-го дня по представлению из оной полици[и], а по указу Правительствующего Сената из конторы определен в то же полицию протоколистом. И был 1742 году по февраль. А в том месяце по указу из Главной полици[и] выслан к делам в Санкт-Петербург. И был в Санкт-петербургской полици[и] протоколистом же. И по указу Правительствующего Сената канторы правил секретарскую должность. А в том же году в июле месяце по указу из Главной полици[и] взят к делам в Москву, в Главную полицию. И был по декабрь месяц того 1742 году. А в декабре месяце определен на кн в Санкт-Петербург в Главную полицию. И в 1743-м году июня 17 дня по определению Правительствующего Сената, а по удостоению Главной полици[и] пожалован секретарем, в котором чину находится и поныне.

А жалованье получает в год по четыреста рублей. От роду ему сорок восемь лет. Детей мужеска полу никого

нет. Людей и крестьян за ним, Хрущевым, обще с братом его, Тайной канцелярии обер-секретарем Михайлою Хрущевым, в Тарусском уезде, в сельце Малахове по последней ревизии — тридцать три души» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/102. Д. 8122. Ч. 2. Лл. 468, 468 об., 472 об., 506 об., 507).

У Игоря Курукина в книге «Повседневная жизнь Тайной канцелярии» найдем некоторые подробности: «Секретарь был фигурой непубличной, но на нем держалась вся работа учреждения. Не случайно эти чиновники назначались и перемещались именными указами и жалованье получали высокое: в 1761 году секретарь Шешковский получал 500 рублей в год, а обер-секретарь Михаил Хрущов — 800. На эту должность, как правило, определялись люди, имевшие большой опыт соответствующей работы. Порой они делали неплохую карьеру. К примеру, Иван Иванович Топильский (1691–1761), начав службу подъячим Разрядного приказа, оказался в Рекрутской канцелярии Сената, а оттуда — возможно, по протекции ее начальника Ушакова — перешел вслед за ним в Тайную канцелярию, где работал секретарем. Когда учреждение в 1726 году временно упразднили, опытный чиновник без дела не остался и получил повышение — стал секретарем канцелярии Верховного тайного совета. Оттуда его выпросил к себе президент Ревизион-коллегии И. И. Бибииков. Затем Топильский был секретарем Сената, служил в Коллегии экономии и выслужил дворянство, став ассессором Юстиц-конторы. Закончил же он свою трудовую биографию почтенным статским советником и заведующим Московской конторой Коллегии иностранных дел, до последних дней жизни трудясь над приведением в порядок ее богатого “архива”.

Последующие секретари Тайной канцелярии подобных “хождений” по конторам уже не имели. При Анне Иоанновне на эту должность был назначен в 1732 году Николай Михайлович Хрущов (то есть третий из рода Хрущовых —

С. В.). Выходец из старого, но захудалого дворянского рода начинал карьеру петровским приказным; в Преображенском приказе служил с 1719 года и «за многие его труды» дослужился в 1741 году до коллежского советника с необычно большим жалованьем в тысячу рублей, после чего был переведен на более спокойную работу в Москву в Коллегию экономии. Согласно родословным разысканиям, почтенный чиновник вышел в отставку в чине статского советника и скончался в глубокой старости в 1776 году».

Императрица хотела знать все о заговоре братьев Хрущовых и Гурьевых, поэтому «...по приказанию Екатерины 6 октября 1762 года был подвергнут пытке — «для изыскания истины с пристрастием под батожем распрашиван» — Петр Хрущов, а потом Семен Гурьев; в данном случае речь шла не о пьяных мужиках, а о гвардейцах, пытавшихся «повторить» дворцовый переворот уже с целью устранения самой Екатерины II» (И. Курукин. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008).

Но братья Михаил и Федор Никитичи Хрущовы не вели следствие по делу братьев Алексея Ивановича и Петра Федоровича Хрущовых. Впрочем, как мы помним из информации об Алексее Ивановиче-2-м, не было, собственно, и никакого ОФИЦИАЛЬНОГО дела: «Петр Хрущов признался на следствии, что им руководил гнев — он участвовал в возведении Екатерины на престол, но не получил никаких наградений. Заговор был раскрыт 3 октября 1762 г., были арестованы 15 человек, в результате следствия было признано, что реальный заговор не пошел дальше пьяных разговоров 29 сентября, в последний день празднований вступления Екатерины на престол».

Братьев Гурьевых и Хрущовых, по этому определению, душила злоба, что братьям Орловым досталось все, а им — ничего. Но и об этом определении можно только гадать — СЛЕДСТВИЯ ВЕДЬ ПО СУТИ НЕ БЫЛО.

Кстати, «раскрыл» этот заговор один из братьев Орловых (не ему ли первому донес Иван Хрущов, заработавший на этом две тысячи червонцев?). Подробности мы находим в очерке С. В. Карпенко «*Михаил Хрущов, Степан Шешковский и “преображение” Тайной канцелярии в Тайную экспедицию*»:

«Григорий Орлов сообщил Екатерине II о признаках заговора в гвардии: группа офицеров-измайловцев намерена свергнуть ее и посадить на трон Иоанна Антоновича. Императрица незамедлительно поручила своему фавориту через верных людей “все выведать”. Собственноручно черкнула генерал-прокурору Глебову записку: “Александр Иванович! По делам важным, кои касаются до первых двух пунктов и кои принадлежали до Тайной канцелярии, а вступают из разных мест в Сенат, оные распечатывать и определения чинить по оным с ведома Нашего Вам обще с тайным действительным советником Никитом Ивановичем Паниным, и дела, кои между тем явятся маловажные, жечь, не делая на все то сенатских определений. Екатерина”.

Она всегда остро чувствовала опасность, угрозу ей самой и ее власти. Теперь же и нужды в каком-то особом чутье не было: после “славной революции” гвардия никак не могла утихомириться. Подозрительные обстоятельства смерти в Ропше отстраненного от власти императора подняли волну сочувствия к нему. Многие стали винить ее в том, что она мужа “извела” и на троне уселась безо всяких законных прав. Самое же скверное — все это породило среди гвардейцев симпатии к заточенному в Шлиссельбурге Иоанну Антоновичу.

В этой острой и опасной ситуации, как только она получила достоверные сведения о реальной угрозе ее власти со стороны реального претендента на власть, Екатерина II прекратила осторожно перетягивать канат и сохранять

достигнутый с Сенатом компромисс насчет руководства Тайной экспедицией секретаря Шешковского. И сделала решительный шаг к окончательному изъятию ее из ведения Сената. Ибо эта реальная угроза уже не оставляла ей возможности оглядываться на сенаторов, играть с ними в перетягивание каната. Да и на Глебова с Паниным она могла теперь положиться еще увереннее: уж их-то гвардейцы-заговорщики не пощадят, и оба они это знают.

Утром 3 октября новые, более точные и достоверные, сведения о заговоре, зреющем в л. — гв. Измайловском полку, прибавили императрице решимости. Но не убавили ее благоразумия и осмотрительности: в первопрестольной она оказалась в плотном окружении родовитой московской знати, заговор зародился в гвардейском полку, где служило много представителей этой знати, а потому ни “рубки леса”, ни “летающих щепок” допустить было нельзя. И она вызвала к себе не Глебова с Паниным, а трех преданных ей генералов, активных участников переворота, занимавших командные должности в трех гвардейских полках, — К. Г. Разумовского, командира л. — гв. Измайловского полка, В. И. Суворова, премьер-майора л. — гв. Преображенского полка и притом весьма популярного среди московского дворянства (отца Александра Васильевича Суворова — С. В.), и Ф. И. Вадковского, подполковника л. — гв. Семеновского полка. Этим трем генералам, умело подобранным, она и поручила расследование.

В ночь на 4-е офицеры-преображенцы провели аресты и доставили заговорщиков в дом Суворова, находившийся в московском селе Покровское, на Яузе. Туда же спешно привезли поднятого с постели Шешковского, и он сразу приступил к допросам. Шешковский воодушевился необыкновенно: слава Всевышнему, пришел его час...

Кто именно решил вести розыск не в Кремле, в “палате” московской Тайной экспедиции, а в доме Суворова,

охраняемом усиленными караулами преображенцев, — неизвестно. Но почему — догадаться несложно: не хотели рисковать. Ибо опасность была велика как никогда: офицеры гвардейского полка — это не монах Дионисий и даже не атаман Крыса.

Спустя две недели сенаторы, ранее пользовавшиеся только гулявшими по Москве слухами, узнали о деле из указа Екатерины II о передаче преступников их суду — “суду Нашего Верховного правительства”. Указ сопровождался рапортом трех генералов-следователей о полученном ими 3 октября устном приказе императрицы “секретно по самой справедливости ближайшими способами к открытию правды и без розысков произвести следствие по дошедшим слухам”, то есть без пыток. И о том, как, “держась точно предписанных... монарших привил, чрез многие расспросы и очные ставки со свидетелями открыли оскорбление Величества и совершенный умысел к общему возмущению”, то есть к мятежу.

Сенаторы вместе с президентами коллегий вынесли главным заговорщикам смертные приговоры. Однако они так и не узнали ни существа “умысла”, ни того, что трем генералам-следователям и Шешковскому не удалось соблюсти “монаршие правила”: “для изыскания истины” поручики П. Хрущов и С. Гурьев были-таки “с пристрастьем под батожьем спрашиваны”. Ясно, что ни генералы, ни тем более Шешковский не могли позволить себе послушаться императрицу. А это значит, что подлинный устный ее приказ, в отличие от письменного, для публики, его изложения, содержал “прозрачный намек” на уместность пыток. Прямого указания и не требовалось. Уж кто-кто, а Шешковский давно научился точно улавливать смысл слов, которые не были написаны на бумаге. И даже тех, что не были произнесены.

Екатерина II смертную казнь заменила ссылкой.

Опять она показала себя мастером убивать одним выстрелом даже не двух, а трех-четырёх зайцев. Не доверив Сенату провести расследование, она польстила сенаторам, корыстно помазала их по губам и — переложила на них ответственность за вынесенный приговор. Как, по пословице, “жена льстит — лихо мыслит”, так и овдовевшая императрица замыслила с размахом и дальним, лихим прицелом. Этим она устроила Сенату очередную, главную, проверку на преданность: дескать, действительно ли вы, господа сенаторы, на деле признаете меня своей императрицей, заинтересованы ли вы во мне как в императрице? По сути, она расставила сенаторам ловушку, поставила их перед выбором без выбора. Как бы кто из сенаторов ни относился к немке-вдове Петра III, что бы ни таил в голове и близким своим ни говорил втихомолку, все они вместе как высшее учреждение империи не могли вынести офицерам-заговорщикам иного приговора кроме смертной казни, раз следствие установило факт подготовки военного мятежа. И этим смертным приговором офицерам гвардии сенаторы позволили ей повязать их самих. И заодно всему российскому дворянству продемонстрировать милосердие. А это было исключительно важно: никак нельзя было сильно задеть гвардию, имеющую корни в московском и провинциальном дворянстве, пролить кровь дворянских сыновей, дабы не вызвать недовольство дворян и не спровоцировать новые заговоры».

Андрей Сахаров в историческом очерке «Иоанн Антонович» тоже пишет о том, что никакого «дела» не было (стоит обратить внимание и на то, что судьба в этом случае сводит Хрущовых и Сухотиных, но последним опять удается открутиться и уйти от наказания...):

«Никакого заговора не было.

Двадцать девятого сентября 1762 года была пьянка в “Съестном трактире город Лейпциг”.

Пили: П. Хрущёв, пригласивший, и гости — А. Хрущёв, И. Гурьев, В. Сухотин, С. Бибииков, П. Гурьев, И. Хрущёв, Н. Маслов и домохозяин Петра Хрущёва — Данилов. Обслуживали: хозяин трактира Колька Коняхин, его супруга Анфиска.

Была простейшая офицерская пьянка с простейшей офицерской болтовнёй.

Поручик Измайловского полка, хвастун, болтун и пьяница, постоянный посетитель “Съестного трактира город Лейпциг”, сказал следующие слова. Он уже был вдребезги пьян, исчерпал весь свой словарный запас, язык не слушался уже этого поручика. Вот что сказал Хрущёв, слово в слово:

— Последний день пью, десятый день, — и хватит пить. Это последний день радости. Ныне будет фейерверк. Мы дела делаем, чтобы государыне не быть, а быть Иоанну Антоновичу!

Типичное офицерское бахвальство. Простейший бред алкоголика.

Каковы же были результаты этого бреда?

Ведь на следствии всё выяснилось. Как императрица квалифицировала эту чепуху?

Вот что было.

Был шум, дебош, бокалы, цыганские бубны, табачный туман, солнце и тьма.

Н. Сухотин был вдребезги пьян, он ничего на свете не слышал, только пил за здоровье какой-то то ли собачьей радости, то ли последней радости.

В. Сухотин совершенно ничего не слышал, потому что он вообще-то не пьёт, а тут его невзначай напоили.

П. Гурьев ничего на свете не помнил, потому что он алкоголик, и отстаньте на веки вечные! — он ухитрился напиться и на первом следствии.

П. Гурьев не помнил даже состав компании, потому что он пришёл на обед “в пьяном беспамятстве”.

Д. Данилов, домохозяин, сказал, что П. Хрущёв живёт в его доме, и больше ничего он прибавить не в силах к характеристике этого типа. Тогда его пытали, Д. Данилова, домохозяина. Данилов сказал; что П. Хрущёв — такое трепло гороховое, что его буйную болтовню уже давным-давно не слушает, на него никто давно не обращает никакого внимания, — шут этот человек.

П. Хрущёв, вождь заговора, сказал, что за здоровье последней радости — пил, про фейерверк — говорил, а про императрицу и про Иоанна Антоновича говорил в самых тёплых и нежных дружественных тонах. “Но никогда не прощу доносчикам — Маслову и Хрущёву!” — гневался П. Хрущёв.

Гнусный донос. Никакого заговора. Это подтвердили и те, кто обслуживал обед: хозяин трактира Коняхин, его жена Анфиска.

Следственная комиссия развила бурную деятельность. Допрошены были чуть ли не все офицеры Измайловского и Преображенского полков (там служили Хрущёвы — Гурьевы). П. Хрущёва и С. Гурьева пытали. Ничего: никакого заговора — пустая пьянка.

Однако императрица назвала эту чепуху, эту безвестную историю — “повреждение спокойствия нашего любезного отечества” и расправилась с “повредителями” следующим образом. По её наущению следственная комиссия приговорила к смертной казни П. Хрущёва, А. Хрущёва, С., И., П. Гурьевых; к ссылке — В. и Н. Сухотиных и Д. Данилова. Потом процесс ещё продолжался, потом их, кажется, не казнили, но всех били палками и сослали.

Екатерина боялась даже пьяных восклицаний, даже упоминания всуе имени Иоанна Антоновича».

Кого же так боялась Екатерина?

Законного императора Иоанна IV, имевшего на российский престол гораздо больше прав, чем Софья-Шарлотта, перелицованная в Екатерину Алексеовну.

Иоанн Антонович, сын Анны Леопольдовны (племянницы Анны Иоанновны) и принца Антона Ульриха Брауншвейг-Беверн Люнебургского, был провозглашен императором, когда ему исполнилось всего два месяца от роду. Регентом при императоре-младенце был назначен Бирон (Бирен). В случае же смерти Иоанна VI наследниками престола должны были становиться другие дети Анны Леопольдовны в порядке старшинства — Анна Иоанновна не допускала и мысли, чтобы наследниками престола могли стать «выблядки» — дочери императора Петра I и императрицы Екатерины I.

Через две недели после воцарения Иоанна Антоновича произошел государственный переворот: гвардейцы во главе с фельдмаршалом Минихом арестовали Бирона, и Миних, а затем Остерман, оправивший Миниха в отставку, встали во главе государства при мнимом регентстве Анны Леопольдовны. А через год гвардейцы-преображенцы арестовали действующее правительство и возвели на престол дочь императора Петра — Елизавету Петровну.

Что было дальше?

А дальше все было покрыто мраком. Даже в 1913 году во время празднования 300-летия Дома Романовых имя императора Иоанна Антоновича оставалось под запретом.

Сначала семья содержалась под арестом и втайне в предместье Риги — Дюнамюнде (первоначально Елизавета Петровна хотела выслать семью Иоанна Антоновича вместе с ним из страны, но, по-видимому, кто-то (а конкретно король Пруссии!!!) напомнил ей о Смутных временах, и она перепугалась возможных последствий). В 1744 году семью перевели в Ораниенбург, затем в Холмогоры, где их охранял родственник будущих сибирских ссыльных братьев Гурьевых — майор гвардии Гурьев.

В 1746 году умерла Анна Леопольдовна. А в 1756 году (когда Пруссия в период Семилетней войны начала готовить

заговор против самой Елизаветы) Иоанна Антоновича заключили в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости.

То есть в 1762 году, когда Екатерина совершила государственный переворот и был убит по ее приказу император Петр III, ее муж, император Иоанн Антонович был жив, и любое упоминание о нем грозило воскресить в памяти верноподданных мысль о том, что в России ЕСТЬ законный император, незаконно отлученный от власти, — Иоанн VI, само имя которого во времена Елизаветы Петровны было под запретом.

Поэтому Екатерине Алексеевне, захватившей трон, необходимо было любой ценой устранить Иоанна Антоновича, не замавав при этом своих рук в его крови.

Вот как объясняет историю заговора Хрущовых-Гурьевых знаменитый отечественный историк С. Соловьев в своей многотомной *«Истории России с древнейших времен»*:

«Екатерина была совершенно довольна приемом, какой сделали ей московские жители. На третий день после коронации, 25 сентября, она писала посланнику своему в Варшаве графу Кейзерлингу: «Невозможно вам описать радость, какую здесь бесчисленный народ оказывает при виде меня: стоит мне выйти или только показаться в окне — и клики возобновляются». Но в то же время между некоторыми офицерами повторялось имя Иванушки (Ивана Антоновича). Мы видели, что Петр III имел свидание с шлиссельбургским заточником, участь которого не была после этого облегчена. Екатерина на другой же день своего царствования, 29 июня, уже сделала распоряжение насчет немедленного свидания своего с Иваном. Генерал-майор Силин от этого числа получил указ из Петергофа: «Вскоре по получении сего имеете, ежели можно, того же дни, а по крайней мере на другой день, безыменного колодника, содержащегося в Шлиссельбургской крепости под вашим смотрением, вывезти сами из оной в Кексгольм;

а в Шлиссельбурге, в самой оной крепости, очиститъ внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать, по крайней мере по лучшей опрятности, оные, которые, изготавив, содержатъ до указу». 4 июля из деревни Мордя, лежащей в 30 верстах от Шлиссельбурга, Силин доносил, что их разбило на озере бурей и они с арестантом находятся в означенной деревне, дожидаясь новых судов из Шлиссельбурга, на которых и поплывут в Кексгольм. При личном свидании своем с Иваном Екатерина убедилась, как нелепы были толки людей, не выдавших Ивана и думавших, что Екатерина может скрепить свои права на престол, выйдя замуж за правнука царя Иоанна Алексеевича. Иван был отвезен обратно в Шлиссельбург в прежнее помещение, приготовленное было для Петра III. Арестант был поручен надзору двоих офицеров — Власьева и Чекина, а коменданту шлиссельбургскому Бередникову не велено было вмешиваться в их дела; Власьев и Чекин должны были непосредственно обращаться к Никите Ив. Панину, который дал им инструкцию: *«Разговоры вам употреблять с арестантом такие, чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину, т. е. к монашеству, и что ему тогда имя надобно будет переменить, а называть его будут вместо Григорья Гервасий. Ежели случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б то был и комендант, без именного повеленья или без письменного от меня (Панина) приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать все то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать»*. На увещания Власьева и Чекина Иван отвечал: *«Я в монашеский чин желаю, только страшусь Св. духа, притом же я бесплотный»*. Потом сказал, что ему позволено постричься, образам молиться и кланяться, но Гервасием называться не хочет, а пусть назовут его Феодосием.

Но все это содержалось в глубочайшей тайне; о неспособности Ивана к правлению знали очень немногие, и его имя являлось в устах каждого недовольного. К графу Григорию Григ. Орлову явился капитан Московского драгунского полка Побединский с известием о существовании партии, которая считает между своими членами Ив. Ив. Шувалова и которая хочет возвести на престол Ивана Антоновича, что он, Побединский, слышал об этом от поручика Петра Чихачева, а Чихачев — от капитан-поручика Измайловского полка Ивана Гурьева. Орлов сказал, чтоб Побединский с товарищами без боязни вступали в это дело для подробнейшего разведывания. Вследствие этого разведывания несколько офицеров были допрошены и показали: Семеновского полка подпоручик Вепрейский показал, что сержант Лев Толстой до коронации дней за семь сказывал ему, что он слышал от поручика Семена Гурьева, будто собирается партия, к которой и Толстой от Гурьева приглашен. Толстой сказывал Вепрейскому, что послан Лихарев за принцем Иваном, что Семен Гурьев приглашен Александром Гурьевым, знает о том Ив. Ив. Шувалов, князь Иван Голицын, да нет ли тут Измайловых также. В день коронации Вепрейский рассказал об этом Дмитрию Измайлову и предлагал на другой день ехать и объявить Григ. Григ. Орлову; но Измайлов сказал, что не с чем ехать, все это вранье, и если оговоренные запрутся, то доносчикам придется терпеть истязание. Измайловского полка капитан-поручик Иван Гурьев на допросе показал: говорил Петру Чихачеву, что Иван Шувалов и с ним четыре знатные особы, а прочих до 70 человек в согласии, чтоб быть государем Ивану Антоновичу, только скоро делать этого нельзя, потому что солдаты любят государыню, а со временем может быть великое кровопролитие, с Шуваловым называли и князя Никиту Трубецкого.

Измайловского полка капитан-поручик Домогацкий показал: свояк его Степан Бибилов сказывал ему, что слышал

от Петра Хрущова бранные слова против е. и. в. Петр же Хрущов, прощаясь с Бибиковым, говорил: **«Чего трусишь? Нас в партии около 1000 человек!»** Михайла Шипов, разговаривая с Семеном Гурьевым, жаловался, что он несчастлив: другие произведены, а он не произведен; Гурьев его утешал. **«Слышно, — говорил он, — что собирается партия против государыни, можете быть в хорошей партии: тут Иван Шувалов, Александр Гурьев, князь Иван Голицын».** Михайла Шипов заметил, что тут и Никита Ив. Панин; Гурьев отвечал: **«Это правда, что Никита Ив. Панин тут; но есть еще другая партия, в которой Корф: он собирается восстановить Иванушку; наша партия гораздо лучше, мы стоим за то, для чего цесаревич не коронован, а теперь сомнение у Панина с Шуваловым, кому правителем быть».** Семен Гурьев показал, что говорил о некоторых противных партиях, к чему и солдаты армейские некоторых полков распалены; их сержантов в ту партию приглашал и сказывал им, что послан Лихарев за принцем Иваном, чтоб привезти его к оному делу; обо всем этом слышал от Петра Хрущова, а о посылке Лихарева сам выдумал с досады, что 28 июня был на карауле в Петергофе, обещаны были ему награды, но ничего не получил. Петр Хрущов на очной ставке с Гурьевым показал, что действительно все это говорил, а о князе Трубецком и Шувалове им объявлял по одной эхе, слышал на дороге, идучи с батальоном, а подлинно от кого слышал, показать не может.

Екатерина поручила исследовать дело без пыток. Из приведенных показаний открыто было оскорбление величества и умысел к общему возмущению. Сенат в полном собрании вместе с президентами коллегий приговорил Петру Хрущову и Семену Гурьеву отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым каторжную работу, а имение их оставить детям и наследникам. Императрица переменяла смертную казнь на вечную ссылку в Камчатку, а каторжную работу на вечную ссылку

в Якутск. В манифесте об этом говорилось: *«Мы можем, не похвалившись, пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией прияли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве. К сему достохвальному намерению мы приступили не словом, но истинным делом и о добре общем ежедневно печемся. Но при сих наших чистосердечных намерениях нашлись такие беспокойные люди, которые покусились делать умысел к ниспровержению Божия о нас промысла и к оскорблению нашего величества и тем безумно вознамерились похитить Богом врученного нам народа общее блаженство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением».*

Дело было ничтожное; Дмитрий Измайлов сказал справедливо, что *«все это вранье»*. Но из этого вранья обозначилось, что может быть предметом вранья: восстановление Ивана Антоновича и то, зачем не коронован цесаревич. По отношению к первому Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: *«Мы его одного намерены теперь освободить и выпустить в его отечество с благопристойностью, а детей его для государственных резонов, которые он по благоразумию своему понимать сам может, до тех пор освободить не можем, пока дела наши государственные не укрепятся в том порядке, в котором они к благополучию империи нашей новое свое положение теперь приняли. И ежели он, принц, пожелает быть свободен один, а надежду на нас положит, что мы детей его в призрении своем до времени оставим, содержа их не токмо в пристойном довольстве, но и, как скоро повод к свободе их усмотрим, выпустим и к нему придем: то он может искренне свое точное желание объявить. Ежели с детьми своими на обещанное нами время разлучиться не похочет, то бы принял на себя терпение до тех*

пор остаться в нынешнем его состоянии, доколе и в свободе детей его ту же удобность увидим, которая теперь для него только одного открылась». Принц Антон не согласился быть свободным без детей.

Дело Хрущова и Гурьевых было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатление на Екатерину. Это было первое искушение. При всем ее старании представить свою деятельность противоположность бывшему царствованию, при всем старании показать, что **«о добре общем ежедневно печемся»**, при первом личном неудовольствии уже толкуют об Иване Антоновиче или, что еще хуже, о том, зачем цесаревич не коронован, решаются распалать солдат, прямо указывают на знатных людей как на соумышленников, и это болезненное настроение есть следствие события 28 июня: одним удалось тогда, отчего нам не может удасться теперь? Даже коронация не прекратила этого настроения.

Екатерина, несмотря на все свое умение владеть собою, не могла в октябре 1762 года скрыть тяжелого состояния своего духа: печаль была написана на ее лице. Она призналась английскому посланнику графу Бекингаму, что в обществе она все больше и больше становится рассеянною, сама не зная отчего. Тот же посланник так описывает положение Екатерины: **«Императрица по своим талантам, просвещению и трудолюбию выше всех ее окружающих. Стесненная обязательствами, полученными в последнее время, сознавая затруднительность своего положения и страшась опасностей, которыми до сих пор она должна была считать себя окруженною, она еще не может действовать самостоятельно и освободиться от многих окружающих ее людей, которых характер и способности она должна презирать. В настоящее время она употребляет все средства для приобретения доверия и любви подданных; если она успеет в этом, то воспользуется приобретенною властью для чести и пользы своей империи».**

Татьяна Щербакова заканчивает свой очерк «*Неразгаданный Хрущев*» любопытными историческими аналогиями, в которые, может быть, трудно поверить...

БОЯРЕ, ХРУЩЕВ И ГЕНЕТИКА

1

Но как бы там ни было, а Никита Хрущев был последователем Ивана Грозного, уничтожавшего старинные боярские роды. Также, как он ненавидел Романовых, он не испытывал любви к русскому крестьянству. А кто такие русские крестьяне, особенно зажиточные? Многие из них — потомки старинных русских родов. Ибо не всегда и не все были они крепостными. Рабами, задавленными и униженными. Да, после вековых гонений и разорений множество бояр разорялось, становились нищими и попадало в кабалу, теряло память о своих предках. Но умение выживать их постоянно выдавало и раздражало большевиков. Лидеры которых, сами из дворян и бояр, уж точно знали высокую генетическую цену русскому крестьянину. Может, потому и не любил Никита Хрущев науку генетику и не позволял ей развиваться в СССР, предпочитая «мичуринца» Лысенко? Ведь генетика — это такая наука, которая безжалостно и невозмутимо срывает покровы со всех тайн...

Давайте вспомним, кого история обвинила в уничтожении Николая II и его семьи? Большевиков. Но решение принимал не народ — решение принимали люди, которые встали в России у власти в 1917-м, сначала в феврале, потом в октябре. И главные завоеватели, теперь уже советского, трона не имели биографий, не имели корней, предков. Они все были зашифрованы. И вот только теперь приоткрываются покровы их тайн. И что же под ними? В феврале 17-го власть захватили российские олигархи — купцы-раскольники, которые все вышли из тех самых древних боярских родов, которые уничтожил Иван

Грозный, а потом, после Раскола — все Романовы. Ульянов-Ленин — из клана астраханских раскольников, Молотов-Скрябин — из рода бояр Скрябы-Морозова, родственник Романовых, Никита Хрущев — поляк, уничтоживший о себе практически весь архив родословной, но почему-то очень похожий внешне и на бояр Хрущевых, и на Григория Отрепьева...

Всем им было за что мстить династии Романовых. А история обвинила в злодействе весь русский народ. Но разве справедливо было прятаться этим ненавистникам романовского режима за народными спинами?

2

Уничтожение передовой части русского народа — древнего боярства — происходило через «рациональное» море крови. Иван IV, уничтожив княжескую междоусобицу, стал первым венчанным русским царем-самодержцем. Но как представитель старого рода правителей — рюриковичей. А он желал закрепить новое устройство новой страны без их влияния, которое возбуждало бы бесконечные войны за удельные княжества местных царьков.

Так что первый этап Смуты начал сам Иван Грозный, произведя настоящую революцию по уничтожению боярских родов и переделу их собственности между своими сторонниками.

Следующий этап уничтожения боярско-крестьянских русских корней осуществился во времена крепостного права, через лишение большинства народа России гражданских прав. И следующий — после октябрьской революции, когда крестьянское сословие было репрессировано до такой степени, что по первой Конституции РСФСР от 1918 года на выборах в органы власти только пять крестьянских голосов могли представлять один полноценный голос.

И здесь нам очень интересно узнать, что разоренные многочисленные боярские роды не исчезли совсем с лица земли. Они хотя и пошли в буквальном смысле просить милостыню между дворами, стали работниками у сохранившихся и у новых помещиков, но многие выжили благодаря вековым навыкам житейской хватки и накопленному генетическому «образовательному» опыту. Многие затем даже стали крепостными крестьянами, но порода их выдавала себя в умении выжить и нажить. И выдвигались их потомки и при Романовых, и в СССР. О них говорят, что свои боярские фамилии они получили от своих хозяев-помещиков. Или по названию деревень. Так ли это?

Недавно опубликован интереснейший документ — ценнейший раритет генеалогии русской жизни: «Десятина новиков, поверстанных в 1596 году». Это рукопись из библиотеки Архива Министерства Иностранных дел в Москве. Документ времени окончания царствования сына Ивана Грозного — Федора Иоанновича, в котором перечислены фамилии боярских детей всего Московского государства, внесенных в государственную ведомость постановки на службу и начисленной им оплаты. Это произошло накануне Смуты, которая затем поглотила в своем разбое тысячи русских семей. Но какие фамилии остались нам на память?

Всеволодский, Колупаев, Горин, Федяшев, Ушаков, Опочинин, Шавров, Шишелов, Сабуров, Коблуков, Трегубов, Блудов, Зерцалов, Третьяков, Малыгин, Дурнев, Зворыкин, Борятинский, Бурцов, Баскаков, Жудовский, Щербачёв, Совенок (две последние — мои и из мест проживания моих предков).

Много в этом списке фамилий, которые наполовину забыты, наполовину изменены. Но это — российский этнографический и бесценный раритет.

И вот с этим самым «раритетом» я выросла неподалеку от села Хрущево, которым когда-то владели потомки

бояр Хрущевых. Только тот поселок, в котором я родилась и прожила до 18 лет, был построен перед Отечественной войной, и расселяли в него тех неблагонадежных, которым полагалось жить на высылке, подальше от больших городов. В этом поселке не было традиционных для одного села «местных» фамилий. Там была россыпь, как я теперь понимаю, этих самых «боярских» фамилий вот из этой ведомости «Десятины новиков». Включая мои две фамилии, были Дурневы, Носковы, Леоновы, Вишневские, Михайловы, Раевы, Корниловы, Молчановы, Волковы, Шабановы, Шаманаевы, Таракановы, Усовы, Уткины, Беседины...

Уж ровно четыреста лет со времен Ивана Грозного прошло к сороковым годам двадцатого века, а все не было древним русским родам покою, все гоняли их потомков по Руси, старались расселить в места дремучие, дальние, чтобы выхода в большую жизнь им не было.

ХРУЩЕВ, ГАГАРИН И СТАРОДУБЦЕВ

1

Известно, как Никита Хрущев не любил крестьян. Именно потому, что знал — они и есть соль земли русской, носители кода русской жизни. Хотя, конечно, как истинный троцкист он и не мог любить тех, кто никак не велся на мировую революцию, а все норовил обустроиться у себя в России. Мелкобуржуазный, вредный для коммунизма элемент, однако, эти русские крестьяне.

Но есть еще одна таинственная вещь, глубоко запрятанная в русском крестьянстве, олицетворяющем христианство и, соответственно ему, библейскую недопустимость ростовщичества. То есть, наживания на долгах. Это в христианской религии считается смертным грехом.

Если Иисуса Христа и придумали, то — очень гуманные люди, которые не хотели гибели человечества от Армагеддона алчности. Борьба с ростовщичеством — прибавочной стоимостью — началась с начала христианства. Она велась с костров Инквизиции и до социальных революций Новой истории. Маркс открыл точно такой же путь борьбы с капиталом, как и средневековые инквизиторы — огнем и мечом.

На Руси борьба за прибавочный капитал началась еще при Иване III — с ереси жидовствующих, которые хотели сделать православную церковь демократичнее. Иван Грозный огнем и мечом прошелся по тем, кто во имя наживы всегда был готов расколоть страну на мелкие княжества.

Романовы, устранив с помощью церкви династию Рюриков с политической арены России и мира, стали активно бороться за укрепление своей власти против церкви и раскололи ее. И странное дело: та часть русской православной церкви, которая была за строго соблюдение правил самоограничения людей, выбрала в себя тех — староверов, кто стал богаче всех в России как раз с помощью нарушения этого библейского завета самоограничения в виде запрета на ростовщичество. Но сами они «не грешили» — они просто впустили в Россию капитал из Европы, который завладел ею и погубил ее в конце концов. Романовы пали.

Пришли большевики и завели ту же самую песню о запрете ростовщичества в виде прибавочной стоимости ради обогащения немногих за счет обесцененного труда многих. Крестьяне были распознаны как раз теми, кто больше всех грешен в возникновении прибавочной стоимости.

Но большевики пошли наиболее радикальным путем: они не стали дискутировать и бороться с церковью, раскалывать ее, они просто запретили религию вообще. И христианскую, и любую другую. Они объявили, что не только Россия, но и весь СССР — это не религиозная, а атеистическая страна.

Но, заменив христианскую идеологию запрета на ростовщичество на коммунистический запрет на частный капитал, большевики ничего не добились. Сначала появился НЭП — государственный и частный капитализм, потом взамен него при Хрущеве образовался нелегальный капитализм в СССР. Коррупция такого масштаба, которая сожрала огромное государство и не подавилась. И самое большое распространение этот нелегальный капитал имел со времени правления Никиты Хрущева именно в сельскохозяйственном производстве. 80 процентов от всего в СССР.

2

Но Никита Хрущев боролся против любых проявлений буржуазности отчаянно и самыми странными методами. Прежде всего он вошел во власть в виде троянского коня в украинской крестьянской расшитой рубашке, широких белых штанах и с маской дурака на лице с ужасными бородавками Лжедмитрия. И в таком виде он очень полюбился советской интеллигенции — латентным представителям древних русских боярских родов — михалковым, симоновым, толстым и прочая, и прочая. Но его невзлюбили продвинутые к Западу демократичные иноверцы. И люто возненавидели советские крестьяне за гонение на русское село и православие.

Хрущев же под маской простака изобрел очень эффективное и беспощадное оружие против российских крестьян — модернизацию сельского хозяйства и, как сейчас принято говорить, оптимизацию русской деревни. Которая вскоре стала называться программой развития Нечерноземья.

Для воплощения своих планов Хрущев в начале шестидесятых годов подобрал команду молодых, здоровых, готовых на многое людей. Один из них — Василий Стародубцев, председатель колхоза имени Ленина в Тульской области, ныне покойный.

Всем этим молодым людям были заготовлены хорошие «крестьянские» биографии. Получалось, что это были выходцы из самой что ни на есть дремучей сельской глубинки, из беднейших семей колхозников.

Но руки выдавали этих «колхозников» — маленькие изящные руки представителей древнейших русских родов. И еще юношеские фотографии. На одной из них Василий Стародубцев предстал в облике юноши утонченной, прямо-таки ангельской красоты. Но эту фотографию никто и никогда не видел. Ее опубликовала местная молодежная газета в 90-е годы, когда Стародубцев был гоним и уже отсидел в застенках «Матросской тишины» как один из заговорщиков не состоявшегося государственного переворота.

Но я и без этой фотографии понимала: выбор Хрущевым Стародубцева был совсем не случайным. С Василием я была близко знакома тридцать лет и поняла о нем столько, сколько мало кто понял.

Он до самой смерти горячо пропагандировал коммунистические взгляды. Но однажды, незадолго до смерти, спросил меня, крепко ли я стою на коммунистической платформе? На что я заверила — именно так. Но он услышал иронию в моем голосе и сказал, покачав головой: «Надо бы тебе еще полеветь...» Я хотела воскликнуть: «Да левее-то — только в сумасшедшем доме!» И только спустя некоторое время поняла, о какой «левизне» он говорил мне. О хрущевской, а она, как известно, была троцкистской. То есть, та самая левизна, которая обрекала СССР и Россию на борьбу за мировую революцию.

3

Но если отбросить коммунистическую и империалистическую риторику двух мировых враждующих лагерей на нашей планете, то получается то же самое, что и сто, и двести,

и пятьсот, и тысячу лет назад: получается борьба за ресурсы и экономическое лидерство.

Именно с этой целью Иван Грозный боролся с традиционализмом русской жизни, уничтожал старинные боярские роды и требовал подчинения от церкви, завоевывал земли и желал породниться с представителями английского престола, то есть вступить в европейское сообщество. Для чего? Для того, чтобы стать ближе к европейской цивилизации и сделать Россию равной ей.

Что делала Америка? С помощью внутренних войн и такого же «грозненского» геноцида она укрепила свою политическую структуру и территориальные границы и в 1917-м попыталась воздействовать с помощью троцкистов на распадавшуюся Россию с тем, чтобы привести туда свою власть и завладеть ее ресурсами. На царский трон вместо Ленина тогда готовился не кто иной, как американский шпион Рейли, который мог быть родственником русского поэта и мазона Петра Вяземского по матери-ирландке. Сам же Вяземский происходил от рюриков — от Владимира Мономаха и многие годы своей жизни посвятил организации борьбе дворян в России против романовской династии.

Но и во времена Грозного, и во времена Хрущева помехой считались национальные корни, из которых всегда вырастал патриотизм и связывал любую власть по рукам и ногам. Поэтому их так ненавидели Грозный и Романовы, Ленин, Троцкий и Хрущев.

Поэтому при Грозном старинные боярские роды вырезали и на их место пришли опричники, при Романовых крестьяне были в кабале и лишены слова, при Ленине их обвинили в великодержавном шовинизме, а Хрущев пошел дальше всех: он вообще решил истребить корень русской деревни. Но выбрал для этого людей, родовые корни которых восходили к великим княжеским родам. Василий Стародубцев наверняка был «оттуда».

Стародубские — правители средневекового Стародубского княжества, ветвь Владимиро-Суздальских князей. Первым стародубским князем был Иван Всеволодович, седьмой сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, получивший в удел от брата своего, великого князя Ярослава, в 1238 году, Стародуб Владимирский на реке Клязьме (ныне Стародуб-на-Клязьме).

Скоро род князей Стародубских распался на другие фамилии. Князь Василий Андреевич — родоначальник князей Пожарских, угасших в 1685 году. Князь Иван Андреевич — родоначальник князей Хилковых и ныне не существующих князей Ряполовских и Татевых. Князь Давид Андреевич — родоначальник угасших князей Гундоровых, Тулуповых, Палецких. Князь Иван Фёдорович — родоначальник князей Голибесовских, князь Василий Фёдорович — князей Ромодановских.

4

Князь Михаил Иванович по прозвищу Гагара — родоначальник князей Гагариных. Это очень важно, потому что кроме непростого происхождения лидера крестьян в России, я полагаю, что такого же высокого происхождения был и первый космонавт в мире Юрий Гагарин. Хотя сам он публично отрицал это. Что, конечно, можно понять.

Но есть еще одна существенная деталь: Юрий Гагарин очень похож на старшего сына Никиты Хрущева — Леонида, летчика, который погиб при невыясненных обстоятельствах во время Отечественной войны. Когда смотришь на фотографии двух молодых людей, кажется, что это одно и то же лицо.

Вначале я предположила, что Хрущев выбрал молодого человека для полета в космос, просто похожего на его погибшего сына, которого горячо любил. Он постоянно его вспоминал и говорил о нем — даже с президентом США Кеннеди, который был ровесником Леонида.

Но потом я подумала, изучив материалы о боярском роде Хрущевых: да уж не родственники ли они с Юрием Гагариным? Но если фантастическое родство Василия Стародубцева и Юрия Гагарина можно предположить по одному родовому корню из князей Стародубских, то родство Хрущевых и Гагариных мне пока не удалось отыскать. Есть один документ — о владении селом Сергиевским в Плавском районе Тульской области в 1752 и 1763 годах одновременно Петром Михайловичем Хрущевым и князьями Гагариными. Здесь последний построил каменный дворец для останковки в нем в поездках лиц царской фамилии. Он напоминает дворец графа Бобринского в соседнем Богородицке.

А ведь пути одного из князей Гагариных и убитого в Путивле Петра Хрущева пересекались как раз в Смутное время. Оба они могли встречаться с Лжедмитрием Первым. Но если Петр Хрущев обличал самозванца, то Роман Гагарин, похоже, служил ему.

В то время как о Юрии Гагарине писали во всех изданиях мира, что он — из крестьянской семьи, князь Гагарин, из американских эмигрантов, объявил, что первый советский космонавт ему родственник. То есть в космос первым в Советском Союзе слетал не крестьянин, а князь? Но Юрий Гагарин тут же гневно отверг такое предположение, заявив: «Среди своих родственников никаких князей и людей знатного рода не знаю и никогда о них не слышал... Куда конь с копытом, туда и рак с клешней».

Юрий Гагарин очень не хотел, чтобы к его славе примазывались князья Гагарины. Интересно, переменяла потом мнение об этом его дочь, которая теперь служит смотрителем кремлевских сокровищ русских царей, занимая должность, которую в начале XVII века исполнял князь Роман Иванович Гагарин?

В 1602 году он служил в Путивле, откуда шло руководство Смутой в России. В 1605-м, при Лжедмитрии I, — один

из голов при воеводе в Смоленске (место рождения Юрия Гагарина — Смоленская область). В 1609 году Роман Иванович Гагарин неудачно участвовал в свержении с престола Василия Шуйского, а в 1618–1621-х годах, при первом царе из династии Романовых, Михаиле, был объезжим головой для береженья от огня в Старом и Большом Кремле.

И весь последующий период истории России князя Гагарина играют серьезные роли при дворе. Иван Еремеевич (1752–1810) вместе с Алексеем Орловым по заданию Екатерины II похитил и привез в Россию княжну Тараканову, которая называла себя дочерью императрицы Елизаветы и ее фаворита графа Алексея Разумовского.

Николай Сергеевич Гагарин управлял императорскими фарфоровыми и стекольными заводами, а также восстановлением сгоревшего Зимнего дворца и был женат на Марии Алексеевне Бобринской, дочери графа Бобринского, внебрачного сына Екатерины Второй, и, значит, ее внучке. Он был убит одним из своих подчиненных.

Андрей Павлович Гагарин (1787–1828) служил в гражданской службе в экспедиции Кремлевского строения. Главноначальствующий Кремлевской экспедицией. Покончил жизнь самоубийством (как тут не вспомнить странную, таинственную смерть Юрия Гагарина?)

Павел Павлович Гагарин (1789–1872), выступавший против отмены крепостного права, был председателем в Верховном уголовном суде по делу Каракозова, неудачно стрелявшего в императора Александра Второго, отменившего крепостное право в России, и приговорил революционера к повешению.

Александр Григорьевич Гагарин (1827–1895) был женат на дочери князя Львова и внебрачной дочери Алексея Разумовского, одной из его пятерых внебрачных детей, получивших фамилию по названию деревни Перово, Софье Алексеевне Перовской. Двоюродной бабке народницы, «прародительницы»

меньшевиков и троцкистов, Софьи Перовской, успешно руководившей убийством императора Александра II. Она была повешена, как и Каракозов.

Григорий Андреевич Гагарин (1895–1963) ротмистр лейб-гвардии гусарского полка. Преподавал физкультуру в Пенсильванском государственном университете в Вашингтоне. По всей видимости, этот американский гражданин и поспешил признать свое родство с советским космонавтом Юрием Гагариным. Но тот от титула именитых родственников отказался. Хотя русские эмигранты лучше знали, кто кому в России родственник. У них историческую память никто не отбивал, она не представляла американским властям такой опасности, какую имела для «безродного пастушка» Никиты Хрущева в 1961 году.

Прошло четыреста лет, и представительница фамилии Гагариных снова на исторически предназначенном им месте — в Кремле, у сокровищ. Кто же это? А дочь космонавта Юрия Гагарина — Елена Юрьевна Гагарина — генеральный директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

ХРУЩЕВ: БЕЗ БОГА И КРЕСТЬЯН

1

Перед тем, как в центре России начали внедрять промышленное производство в сельском хозяйстве, которое требовало окончательно урбанизировать крестьянскую жизнь агрогородами, Хрущеву нужно было сломить извечное представление русских о своей богоизбранности. То есть подрубить крестьянский корень тысячелетней идеологии русского православия.

И не для этого ли в космос слетал первый советский космонавт Юрий Гагарин, который прилетел обратно с известием:

и выше неба Бога нет! Есть свидетельства того, как русская православная церковь публично отреагировала на этот полет. К примеру, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов), по воспоминаниям его водителя, произнес краткую проповедь перед прихожанами: «Братья и сестры! Вы знаете, в какое время мы живем, какой прогресс совершается в мире! Много ученых изобрели много хорошего! А слышали вы — последнее событие произошло: наш молодой человек — Юра Гагарин — побывал в космосе! И оттуда вернулся! А ему, когда он полетел, Хрущев Никита Сергеевич сказал: “Юрочка, посмотри, есть там Бог, или нет?” Юрий Гагарин Бога не видел... а Бог его видел! И благословил!»

Космический проект СССР, как и аграрный, требовали огромных затрат. В центр воплощения этих денежных проектов Хрущев поставил особых людей, я думаю. И их имена снова остались в истории человечества, продолжая славные традиции в этом — боярском и героическом — звучании на протяжении тысячи лет (Гагарины, Стародубские-Пожарские, Хрущевы)...

Вот и пойми тут ненавистника царской России и православия коммуниста-фанатика Хрущева. Вместо того, чтобы дать путь в мировую известность какому-нибудь рабочему Кузнецову или Сергееву, он открывает дорогу к звездам мировой славы древним боярским фамилиям России!

Хрущев успел осуществить свой «антибожественный» космический проект. Народ ликовал и не думал о Боге. Он даже поначалу не думал о хлебе насущном, упиваясь славой Своей страны. Но вскоре в СССР начались проблемы с продовольствием. И решать их Хрущев взялся по-новому. Распашкой целинных земель — внедрением промышленных методов в сельское хозяйство. Но он успел только подобрать нужные и верные кадры для руководства будущими агрогородами — первое постановление ЦК КПСС по этому вопросу появилось уже после его смерти. В 1971 году.

Первопроходцем здесь стал Василий Стародубцев, который абсолютно непонятными путями пришел к своему невероятному взлету. И об этих путях знал только Никита Хрущев и его доверенные лица, когда Стародубцев, бортмеханик и шахтер, вдруг оказался во главе умирающего тульского колхоза из нескольких заваливающихся крестьянских дворов.

Именно сюда потекла первая полноводная река бюджетных денег для проекта раскрестьянивания — модернизации — российского села по западноевропейским образцам. И первое, что было заявлено — никаких подсобных хозяйств, никаких деревенских изб, нормированный рабочий день на ферме-заводе, а жизнь, беззаботная и богатая, в современных многоэтажных домах.

В чистом поле вырос агрогород Спасское — с европейским животноводческим комплексом, оригинальными многоэтажками, в которых были газ и горячая вода. Здесь построили современный детский сад и бассейн. Дворец культуры и торговый центр, гостиницу, куда приезжали иностранцы из Европы и Америки посмотреть на советское чудо в бывшей деревне. Только старинный храм посередине нового агрогородка был заколочен.

Здесь жили чуть ли не при коммунизме. Но — странное дело: народ отсюда уезжал! Сменяемость кадров была чуть ли не стопроцентная. Люди не выдерживали потогонной системы на производстве, жесткой дисциплины, а в новых домах им было скучно и неудобно. Сколько бы я ни приезжала в Спасское делать репортажи, каждый раз меня «отлавливали» местные жители и жаловались на неустроенную жизнь в этом советском раю. Чего же они хотели? Иметь свои огороды, жить в частном отдельном домике, иметь корову и овец, кур и гусей. И это при том, что с колхозного склада им продавали по низким ценам

любые продукты, а в Спасской столовой готовили ресторанные деликатесы для всех за копейки. И еще они хотели ходить в свой старинный храм молиться, крестить там своих новорожденных и отпевать умерших.

Огромные государственные вложения, а затем собственный бизнес вознесли знаменитый колхоз имени Ленина на вершину славы и известности. А также и его председателя — коммуниста, Героя Социалистического труда, Василия Стародубцева.

Кончился советский эксперимент по раскрестьяниванию очень плохо. В 1991-м ГКЧП, членом которого был Стародубцев, народ не поддержал. А потом сильно об этом пожалел — дорвавшиеся до власти демократы под патронатом США вообще раздербанили русскую деревню.

И в 1993 году Стародубцев стал сенатором, а с 1997 по 2005 — губернатором Тульской области.

В Спасском он восстановил старый храм (в котором его и отпели после кончины), построил отдельные дома для колхозников, выделил им землю под огороды, а сын его стал фермером.

Так замкнулся «боярский круг» Стародубцева. А разве вам не знакомы фамилии Нарышкина, Жукова, Ромодановского, которые сегодня снова в Кремле?.. Нарышкин успешно выхлопотал во Франции перезахоронение в Москве праха троюродного брата Николая II, внука Николая I, великого князя Николая Николаевича Романова.

Поистине фантастические тайны окутывают русскую жизнь на протяжении многих веков. И почему-то в России эти тайны и сегодня предпочитают не разгадывать.

С последним особенно сложно не согласиться.

Олег Платонов пишет: *«Масонские корни, по-видимому, имел и заговор В. Я. Мировича, служившего в Шлиссельбургской крепости, где в заточении находился Иоанн Антонович. В 1764 году Мирович склонил на свою сторону часть охраны, чтобы освободить «царя Ивана». Однако при узнике постоянно находились два стража, имевшие инструкцию его убить при попытке освобождения. Они точно выполнили приказ, и Мировичу достался только труп свергнутого «царя». При расследовании, проведенном по этому делу, был обнаружен у сообщника Мировича, поручика Великолукского полка, отрывок масонского ка-техизиса»* [Брокгауз и Ефрон. Т. 72. С. 509].

Мирович был «сыном и внуком бунтовщиков» против Русского государства, судя по всему, крепко связанных с зарубежными конспираторами. Его дед, переяславский полковник Федор Мирович, изменил Петру I и после поражения Карла XII бежал в Польшу, за что и был сослан в Сибирь, где в 1740 году и родился будущий «освободитель царя Иоанна».

У Андрея Федоровича Хрущова и его жены Анны Александровны Колтовской было четверо детей — Дарья, Иван, Николай и Елизавета: *«По смерти Федора Федоровича Хрущова село Лукино принадлежало с 1734 г. его сыну Андрею»*. А. Ф. Хрущов был казнен в сентябре 1740 г. в правление императрицы Анны Иоанновны. Село Лукино от него перешло к его жене вдове Анне Александровне с детьми Николаем, Иваном, Марьей и Елизаветою и за ними оно утверждено в 1741 г. отказною книгою, в которой упоминается: *«В селе Спасском, Лукино тож, церковь Всемилоствиваго Спаса деревянная с церковною утварью»* (Вотч. колл. кн. 42, 72).

Его родственник, Петр Федорович Хрущов, камчатский ссыльный, после участия в Большерецком бунте и бегства

с Камчатки в 1771 году, будучи капитаном французской армии с новой (теперь уже с русского на польский лад, а не наоборот, как у его предков) фамилией — Хрустовский был женат на вдове капитана мятежного галиота «Святой Петр» Максима Чурина, который успешно, первым среди отечественных мореплавателей, провел свое судно от Камчатки до Китая. Капитан Хрустовский погибнет, но его жена вернется в Россию. Сведений о том, что у супругов были дети, мы не имеем. Хотя кто его знает...

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть IV

БРАТЯ ХРУЩОВЫ

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

Телефон: (812) 900–21–45

Сайт: isvove.ru

Почта: editor@isvove.ru

Заказ № 1915-4

Подписан в печать 11.09.2017

Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии

ООО «Свое издательство»